

Зоя Дякина

Концерт на палубе

Орёл – 2014

УДК 882
ББК 84(2p)б
Д 99

Зоя Дякина
Д 99 Концерт на палубе / Стихи / – Орел: Издательство
«Картуш», – 2014, 162 с.

УДК 882
ББК 84(2p)б

© З. Дякина, 2014
© Издательство «Картуш», 2014

Зоя Дякина

Концерт На Палубе

Портрет во весь рост

«Концерт на палубе» – первая книга Зои Дякиной, однако назвать её «поэтическим дебютом» или «пробой пера» никоим образом нельзя. Имя автора давно известно орловским (и не только) любителям поэзии по публикациям и выступлениям, и то, что сейчас предлагается вниманию читателей, призвано свести все знакомые штрихи в единую картину. Здесь нет места юношеским опытам: перед нами зрелая книга зрелого мастера. Автор предстаёт перед нами в полном отображении – и как яркая личность, и как профессионал, уверенный в своих силах. Лейтмотивом книги не вполне случайно избрана классическая ассоциация жизни с морским странствием: море не знает легких путей и не любит тех, кто прячется в тихих гаванях. Ещё менее случаен эпиграф из песни Нателлы Болтянской «Оркестр «Титаника». Лишь тот достоин называться человеком, кто бестрепетно идёт навстречу судьбе; лишь тот достоин зваться музыкантом, кто будет играть до последнего вздоха, и даже смерть не вырвет у него ни единой фальшивой ноты. Таков должен быть жизненный девиз каждого художника. Именно таков девиз Зои Дякиной. Внимательный читатель найдёт в этой книге её черты, а кто-то, может быть, обнаружит и свои собственные; но за одно могу поручиться: ни единой фальшивой ноты он здесь не найдёт.

*Анастасия Бойцова,
Член Союза писателей России.*

Сегодняшний темп – безоглядное престо.
Пусть нашего праха не примет земля,
Но главное – чтобы не сбился оркестр
На палубе тонущего корабля.

Нателла Болтянская

Бодрая матросская песенка

Ярославу Николаеву

Если небо – цвета вишни и роз,
А старик маяк не зажег,
Полезай на мачту, матрос,
Поднимай сигнальный флажок!

Если море волны бросило в кросс,
Только пьян лежит рулевой,
Становись за штурвал, матрос,
Слушать шторма яростный вой!

Если, встав во весь безудержный рост,
Защищал солдатскую честь,
Так готовься в петлю, матрос,
А иначе – незачем лезть!

Если жизнь, задав последний вопрос,
Все расставила по местам,
Поднимись на мостик, матрос...
Впрочем, нет – уже капитан.

2009

До отплытия

Колыбельная

Спи, и пусть тебе приснятся
Всех родных и близких лица,
Города, чужие страны,
Безутешные дома,
Иероглифы и знаки
На развёрнутых страницах,
Все комедии и драмы,
Что писала ты сама.

Спи же, и во сне увидишь
То, о чём всю жизнь мечтала,
Пряча душу, как иголку,
В сена стог под тихий звон,
Спи, как маленький ребёнок,
Спрятав нос под одеяло,
Спи, принцесса, я же стану
Охранять твой вечный сон.

2008

Детство

1

Школьный сад, десять яблонь, сирень и
Столько дней, столько снов впереди...
Ободрать не боишься колени?
Приходи.

И царит под бунтующей кроной
Только яблок блаженнейший хруст;
На ветвях, как на царственном троне –
Где там грусть;

Сотни сказочных (нет ли) историй,
В них влюбляться, вникать и вращать;
Лезь на ветви, ведь путь наш проторен, –
И мечтай;

Уносились в далёкие дали
По дорогам (их нету прямей!)
И еще вдохновеннее ждали
Перемен;

Передышка казалась привалом,
Зовом лебедя – гвалт голубей;
Даже небо в те годы бывало
Голубей...

2

Нежное детство да сладкая вата,
Дней золотых пелена...
Нынче, наматывая киловатты,
Тихо сиди, вспоминай

Всё, что случилось, и всё, что казалось
Сложным, недетски болезненным:
Тройки в тетрадках, фиаско в спортзале,
Кнопка на стуле... Храни

Все эти письма из прошлого, эти
Снимки до лучших времён.
В нашем ли мире, на этом ли свете,
Рано ли, поздно – поймём.

3

Апрель. И жарища же в этом пальто!
О Боже мой, как он красив...
Котяра по кличке Барон Апельсин,
А ты-то подумала – кто?

Ручей через город – как будто канал.
До мая бы не пересох...
Домой, за уроки пора, но, как сон,
Трепещет корабль на волнах.

Сложили мы из пожелтевших бумаг,
Из старой газеты его,
И он полетел, и на гребне всех волн
Белела... желтела корма.

И палочка счетная мачтой была,
И парус над ней трепетал,
И, точно огонь, разгоралась мечта:
За ним – да в четыре крыла...

А годы бегут, их как будто бы зев
Глощает – один за одним,
Но память жива, ведь ее сохранил
Кораблик из старых газет.

2011

Во сне, как в листве, ворочаясь,
Под тяжестью ремесла,
Поймешь, что видал воочию
Слова, коим нет числа,

Услышишь раскаты дальние
(От времени до поры) –
И что-то, от века данное,
Летающее сквозь миры,

Разложит тебя по полочкам,
По косточкам разберёт,
Как будто гнездо подпольщика,
Как будто песчаный грот...

И грохот, и свет, и тени, и
Полёты, и сотни слов –
И все это переплетением
В дыхание твоё вросло.

апрель 2012

За окнами распахнутыми – душно,
И страх зудит, как заболевший зуб.
Чернеют тучи. Спрячусь под подушку,
Как было в детстве, вечером, в грозу.

Так просто уклониться от напасти:
Всего-то лампочкой разрушить тьму
Или ладонью удержаться за запястье
Того, чей страх не равен твоему.

Но всё проходит. Время подустало,
И страх не тот, и радости не те,
И мы привычно верить перестали
Ладони, чуть дрожащей в темноте, –

И невозможно вдуматься, представить,
Но жизнь летит вослед за вороньём...
Лишь снится что-то, что навеки нас оставит,
И эти сны – отчаянье моё.

июнь 2012

Там, где путь к небесам хоть не длинен, но все-таки уже,
Чем ушко от иглы (заготовь-ка тончайшую нить),
Там, где вовсе неведомо, черт или Бог нас хранит, –
Наша жизнь приглашает тебя на торжественный ужин.

Пусть покуда неведомо, чем же в конце-то концов
Нас попотчует жизнь, как радушный хозяин – отравой,
Но эпоха сквозь нас прорастает, как сорные травы
Прорастают сквозь камни, асфальт, черепа мертвецов,

Но эпоха пускает в нас корни, чтоб жать, не посеяв,
Отпускает нас в путь бесконечный к чужим берегам...
Чтобы в путь сей отправиться, можно не быть Одиссеем:
Здесь достаточно просто уметь шагать и шагать.

Что ж, шагай, человеке, пусть мимо поля проплывают,
Но не думай, что путь завершится у края земли:
Там, где линия берега выгнута, точно кривая,
У причала стоят, дожидаясь тебя, корабли...

2010

Бродячие души

Бродячие души

Софии Яковлевой

1

Бродим по белу свету,
Где ни с кем не поделишь горе,
Вздых выпускаем тихий
Из ни разу не дрогнувших уст...
Если бывшее помнишь,
Заблудившись в иных предгорьях,
Если бывшее снится –
Может быть, я приснюсь?

Может быть, пару писем
Почтальоны полощут в сумках,
Может быть, безответно
Напрягли кулаки провода...
Впрочем, есть Крайний Север
(Там живёт медвежонок Умка).
Знаешь? Есть Крайний Север.
Знаешь ли, нам туда.

Бродим по белу свету,
В безвоздушном пространстве таем,
Там, где лежит пустыня,
Там, где хрупок истоптанный наст –
Всюду иные люди
(Даже кровь их не столь густая),
Впрочем, бывает дружба –
Та, что только для нас.

Можно ломать дыхание,
Ощувив невесомость скерцо,
Можно тянуть ладони
К потолку из прозрачного льда...
Горько, когда из камня
Выплавляют людское сердце.
Впрочем, есть Крайний Север...
Что же, идём туда.

2009

2

Что поделаешь: юность так падка на глупость,
Что уходят они, уцепившись руками
Друг за друга. Ну что же, возьмемся за лупу,
Чтобы прошлое наше (нарезав клоками)

Изучить, оценить: то ли сразу же в ящик,
То ли с должным почтеньем, с тоской, со
слезами...

А не то опоздаем: взгляни – даже ящер
Не взлетает, болеет, нуждается в заме

(Например, в Бургомистре). А мы так устали,
Что навряд ли поспеем вослед Ланцелоту...
Но надейся: а вдруг не из глины – из стали
Сотворили людей, обречённых полёту?

Но надейся: а вдруг не из плоти – из духа
Сотворили людей, обречённых дороге,
Наделили их голосом, взором и слухом,
Наделили стремленьем не ждать на пороге?

Пусть – увы! – и среди капитанов (Каверин
Скрыть не сможет) – хватает моральных уродцев;
Но надейся: а вдруг не из скорби – из веры
Сотворили людей, обречённых бороться?

Мы же верим, что наши дороги мостили
Существа, коим место – средь райских пределов...
Впрочем, воду носить в решете ли, в горсти ли –
Одинаково глупое (гиблое) дело...

Но когда мне почудится: поезд навстречу
И колеса гремят, будто грома раскаты, –
Я не стану придумывать долгие речи,
Просто хочется тихо спросить: «Ну так как ты?»

Собираешь, как марки, чужие приветы
И приметы, и голоса сладкую вату,
Превратив свою жизнь в невозможность ответа
На нелепый вопрос: в чём же ты виновата,

Если номер молчит, если заперты двери?..
Просто годы летят, и считать их – нет толка...
Но останутся (слышишь?), останутся (веришь?)
Эти рельсы, которые наши – и только.

2009

3

Тропою привычной, тропой всегдашней
Бреду и мечтаю случайно найти
Неведомый камешек... Боже, подашь ли
Попутного ветра для всех, кто в пути?

На этот вопрос не дождавшись ответа,
Все крепче и крепче сжимаю ладонь —
И в ярком потоке слепящего света
Покажется тёмным и скучным мой дом,

И снова настигнет, и снова ужалит
Извечной мелодией нового дня:
«Прощанье славянки» тебя провожает,
Как множество раз провожало меня.

На тысячи взглядов, беспомощных, глупых,
На тысячи звуков, танцующих твист,
Осталось глазами бессмысленно лупить,
Как будто почуяв заразу в крови.

А поезд (разносчик дурацкой отравы) —
Как ветер, что травы несёт по степи,
Но даже колеса стучат, что пора бы
Вцепиться корнями, осесть и копить

Спокойствие буден, урядицы быта
И старую память о том, кто что пьёт...
Но только бы не оказаться забытой —
Иначе не выдержит сердце моё;

Но только бы не охладеть к переменам
(К чему бы и как бы они не вели) —
Иначе придется в себе, как в тюрьме, нам
Отсиживать срок, друг от друга вдали;

Но только бы не затерялись конверты,
Но только бы не...
Пыль скрипит и шуршит...
И снова по свету, и снова по свету —
Приюта искать для бродячей души.

2010

4

Сегодня тоскливо, и нечем заняться с утра,
И в горле вскипают... уверим себя, что не слёзы.
«Пора возвращаться, пора возвращаться, пора», –
Стучат и щебечут, как юные птицы, колёса.

Мы чуем мгновение боли, как подлость нутра,
Глаза закрываем и слов напоследок не просим,
Вдыхаем безмолвие, словно дымок папиросы.
Пора возвращаться, пора возвращаться, пора...

И если однажды, желая не зла, не добра,
Но просто тепла, недоступного, словно спасенье,
Придется ответить, слова, как песчинки, просеяв:
«Пора возвращаться, пора возвращаться, пора!» –

Тогда лишь поймём, карандаш стервенело кусая,
Что пеплом седым на ладонях лежат вечера,
А к небу вздымается медленно строчка косая:
«Пора возвращаться, пора возвращаться, пора...»

2011

Самолично себя у себя же отняв,
Всё, что было, переворошив,
Загоняй свою боль, как лихого коня,
В переулках замёрзшей души.

Загоняй, уходя от нелепых погонь
На исходе туманного дня,
Из невидимых шпор высекая огонь,
Загоняй же свой страх, загоняй!

Выдыхая из лёгких таинственный жар,
Всё на свете чуть слышно кляня,
Предпоследним усилием поводья держа, —
Загоняй, загоняй, загоняй!

На подъёме, что плавлен, как тягостный вздох
И на спуске, что длится лишь миг, —
Загоняй свою жизнь, проскрипевшую до
Этой скачки гнилыми дверьми!

Отделяя всю дрянь от души, точно струп
(Как коня избавляя от пут),
Растянись на холодной траве ввечеру,
Чтоб назавтра продолжить свой путь.

2009

Благословение – трепетный дар
В миг, когда рвётся лишь вопль.
Благословляю полёт из гнезда –
Первый, прекраснейший, – твой.

Благословляю небесную синь
И череду облаков, –
Тех, что качаются, словно курсив,
Капают, как молоко.

Благословляю и солнечный блик
Величиною с крыло,
И ту добычу, какую вдали
Острое зрение взяло.

Благословляю тот день и тот час –
Близкий! – в который уже
Мне у гнезда не придётся встречать,
Чтоб поддержать в вираже.

Мысли свиваются и бережат
Слева, под костью... вот тут.
Быстро не только лишь кошки родят –
Быстро орлята растут.

2009

Когда рассвет уже навис
И землю обнимает страстно,
Мы вылезем на крышу из
Четырехстенного пространства;

Избавимся от суеты,
Что проникала, точно в гости,
Незвана, – и заметишь ты,
Как сыплет небо полной горстью

Кометы, звёздные дожди
И ворох песен светло-рыжих;
Как можно дольше просидим
На нагревающейся крыше,

Заблудимся среди облаков
И даже пришедших не заметим,
Когда так горько и легко
Запахнет юностью и смертью.

2010

Сегодня, среди громовой тишины,
Ты понял, что станешь другим:
Огромные крылья, в полнеба длины,
Рвут воздух на полукруги.

Пусть люди трясутся, боясь из тюрьмы
На волю хоть взгляд уронить,
А ты – перелётный, такой же, как мы,
И музыка в крыльях звенит.

Не каждому любя такая игра,
Такой оглушительный ритм...
А нам, перелётным, в дорогу пора,
Но можно ль о ней говорить

Всем тем, кто всегда остаётся с людьми,
Кто крыльев навеки лишён,
Кто может гнездо сотворить из тюрьмы?
Но даже в гнезде – хорошо ль?

В дороге, где ночью не светит маяк,
Не нужно решать наперёд,
Придется ль по нраву им песня твоя
И неукротимый полёт?

Ответь же скорее: ты хочешь летать,
Свободу вдыхать и кричать
О том, что такое – небес красота
И ноющий трепет плеча,

Купаться в ветрах и от страха не ныть,
Спасать, коль кричат: «Помоги!»?..
Огромные крылья, в полнеба длины,
Рвут воздух на полукруги.

2010

Уходи, не оставив следов на воде
И самой не оставив воды.
Уходи в городок под названием Нигде,
За собой замечая следы

То ли ветром, ласкавшим безбрежность пустынь,
То ли тонким гусиным пером...
Уходи, за спиной оставляя посты,
Пограничников, хлещущих ром,

Отмель, грустный, без дела лежащий буёк
И избушку старухи Яги;
И клубок не забудь попросить у неё:
Это будет билет твой и гид

В те края, где приветят, где трубы трубят:
- Эх, соколик, гуляй-веселись! –
А красавица пусть-ка поищет тебя
По мудрёным дорогам земли.

Не впервой сапоги из железа ковать,
Не впервой проходить сто дорог,
Только кем бы ты ни был, куда бы ни звал –
Я уже не покину свой кров.

Что ж, последний – во здравие! – тост – три глотка.
Казначейский билет разменяй,
Нелегка ведь дорога и не коротка
В мир, где нет ни тебя, ни меня.

Собирайся же в путь – семь железных хлебов,
Да и соли поболее возьми.
Уходи, ну а там – помогай тебе Бог,
Раз уж чёрт не поможет. Аминь.

2009

Среди багровеющих линий продольных
Дрожал от дыхания мир,
И небо казалось пустым и бездонным,
И ветер беспечно смеялся в ладонях:
Он пойман, он весел и мил;

И небо смеялось, и небо спускалось
К земле, и позвякивал мост,
И волны устало подошвы ласкали,
И высились тени, как горные скалы,
Взбираясь на стены домов –

Домов, что вдали трепетали в тумане;
Забыв, что кончается век,
Мы воздух глотали, как в древности – манну...
Но ночь наступает, и небо обманет,
Рванувшись за звездами вверх.

сентябрь 2011

На Ваш талант не поскупилось небо,
И Вам теперь – хоть изогнись в дугу! –
Но выдумай классическую небыль,
Сумей солгать, не разжимая губ,

И запасись десятками историй,
На крайний случай – парочкой легенд...
А боль тем временем свой путь проторит,
Распилит ребра, точно автоген,

И кажется: уж лучше б Вы молчали;
Но иногда слова так хороши,
Что говоришь себе: «Отбрось печали
И слушай, верь, держи, дыши, пиши!»

Ведь Ваша речь – не лучше бреда сивой
Кобылы – но всесильнее, чем джинн...
И я прошу: «Солгите мне красиво:
Я дня не проживу без Вашей лжи...»

2009

Нам уже никогда не вскипеть, не остыть –
Нам, сжигающим письма, листву и мосты;

Нам уже никогда не замедлить свой бег,
Без конца от себя убегавшим к себе;

Нам уже никогда никому не сказать
Ни дозволенных слов, ни того, что нельзя;

Нам уже никогда не вернуться туда,
Где в беспомощном ритме гудят провода;

Нам уже никогда в бесконечности дней
Не забыть о сжигающем горло вине

Наших дел, наших вин, наших судеб и слов,
Наших мыслей, прозрачных, как будто стекло;

И само «никогда» в этом ворохе дат
Не наступит для нас никогда.

сентябрь 2011

Приключается: планам тесна голова,
Точно платье, что не по размеру,
И срывается мысль, как тринадцатый вал
Или как с Нотр-Дама химера.

Приключается: телу пространство узко
Или слишком, напротив, просторно –
И, повиснув над полом и под потолком,
Эти узы нет силы расторгнуть.

Получается: ни пристягни, ни пришей
Нашей памяти крошечный слепок –
Когда тело становится тесным душе
И жалеет о ней напоследок.

17 июля 2012

Это горечь и страх,
Это пепел времён на устах,
Это шёпот костра,
Обжигающая немота

Всех времён, всех имён,
И пространств, и тревог, и замен,
Это плеск за кормой
Корабля, что садится на мель,

Это трепет листвы,
Это холод внутри позвонков,
Это спящий ковыль,
Это облачное молоко,

Это тёплый зюйд-вест,
Это школьников суетный гам,
Караван каравелл,
Уносящих свой бег к берегам,

Это пик, это мыс,
Это крайняя точка пути –
Это то, чему мы
Не сумеем название найти.

29 сентября 2011

Собираешься в путь, отправляешься в рейс
Из эпохи сплошного застоя,
Но беречься не стоит и даже беречь
Ни лица, ни ладоней не стоит:

Это только сначала (учебник забудь)
Обжигает водица морская,
А потом ничего, а потом как-нибудь:
Улыбаешься и привыкаешь.

А потом как-нибудь, а потом ничего,
Лишь бы были вино да капуста,
Лишь бы ветер звенел в парусах штормовой,
А в душе не бывало так пусто,

Как вчера, за минуту до выхода в рейс
На пустом и холодном причале,
Лишь бы гул поднимающихся якорей
Был сигналом к началу.

август 2012

Острова и гавани

Знаешь город, который теснится
Вдоль реки, что сверкает, как ртуть?
Этот город, где снов вереницы,
Точно птицы, садятся на грудь;

Этот город белёсо-зелёный,
Этот город постройки простой,
Этот город тенистых кленов,
Этот город аллей и мостов,
Что во сне нам являлся раз сто;

Этот город – герой интерлюдий,
Город башенных звонких часов,
Этот город, где мельницу люди
Не снесут, не запрут на засов

(Там тоска измололась сухая,
Будто брошенная в колесо);
Этот город, что даже вздыхает,
Хоть рассчитан на многих персон –
Веришь, нет ли? – тебе в унисон...

Как проникнуть туда, в эти дали,
В этот город, где горе не жжёт? –
Как же раньше туда попадали –
То ли зайцем, а то ли ужом? –

В этот город, знакомый до боли
Каждым шагом по ранней росе,
Каждой вспышкой ночных файерболов,
Каждым вздохом... Сомнения рассей:
Этот город дается не всем, –

Как подарок, что Богом зажат был –
До последнего! – в хрупкой горсти;
Этот город, в который сбежать бы,
Не сказав ни прощай, ни прости;

Этот город, который просватан,
Но кому? – неизвестно ни мне,
Ни тебе, мой попугчик ватный
По дороге из жёлтых камней
В этот город, которого нет...

2009

На всякого город, ночами пустой,
Наводит немую жуть,
Один только я, за ночь раз так сто,
По улицам прохожу.

Горящие окна – как будто бельмо
В глазу, что безмерно раздут:
Ведь сколько бы ни было в мире домов,
Но ни одного, где ждут;

Ведь сколько бы ни было в мире дорог,
Но нет ни одной – моей;
Всему и всегда наступает свой срок,
Но не наступает – ей-ей...

Вот так и живу – птахой или водой:
Засохшее русло – стезя;
В любом городке ведь отыщется дом,
Куда возвращаться нельзя,

И в каждом местечке отыщется свет,
Струющийся из окна,
В которое не заглянуть, и вовек
Не выпить сей чаши до дна...

Вот так протекает за месяцем – год.
Я в счете поднаторел,
Но даже Господь не убьёт того,
Кому не дано умереть...

2009

Седьмая заповедь

Среди тысячи экскурсий
Не ищи поближе к дому –
Удила, небось, закусишь:
Если ты, дружок, не в курсе –
Мы блуждаем по Содому.

Посмотри на столп сей, чуже-
Земец: то супруга Лота...
Крыльев нет, но я лечу же:
Нить оскаленных жемчужин
Ловко выведет к болоту.

Предостаточно недели,
Чтобы грохнуться с Памира, –
Пред лицом прелюбодея
На последнем переделе
Вдрызг растресканного мира.

Мигом съёжился желудок,
Уступая сердцу место...
Поцелуй меня, Иуда,
В знак привязанности к блюду,
Поцелуй, покуда – вместе,

Поцелуй, пока седьмая
Не скрежещет на скрижалях,
Поцелуй, покуда маем
Задыхается, прямая,
Кобра, не пугая жалом,

Но не встретишь то, что чаял
В своей даме без камелий, –
Тех часов, что отстучали
В самом, может быть, начале, –
Отзвонили, отзвенели.

По путям земным, небесным,
По дорогам звёздным, ранним, –
Об руку со мною бес, – но
Лишь в соперничестве с бездной
Душу обретает странник.

2010

Исповедь

Мы такое видали, что впору на стареньких картах
Отмечать города и селенья в неведомых странах.
Мы такое слышали, что разубедили б Декарта
В силе мысли, а магометанина – в правде Корана.

Мы вкусили от яств, каковых не бывает на свете,
Мы испили вина, какового нигде не встречали,
Мы ловили в широкие сети тропический ветер
И глотали солёные брызги на старом причале.

Мы исполнили то, о чём даже подумать страшились,
А проклявшие нас этот грех никогда не искупят:
Соответствуя времени, мы разрывали и шили,
Древним книгам послушны, с желанием собственным вкупе.

Нам о жизни пытался поведать обученный ритор –
Мы несли на ладонях сомненья, как будто скрижали.
Мы смотрели на мир, и глаза наши были открыты,
И чем больше случалось увидеть, тем дальше бежали.

Это было так просто: закроешь глаза – и навстречу
Вот уже покатались иные и царства, и люди,
Точно мир справедливый нам боги выносят на блюде,
Ну а мы принимаем, поскольку с чего бы перечить?
Только нет, не обманешь богов ни торжественной речью,
Ни трепещущим звоном струны, ни длиной интерлюдий.

Закрывая глаза, попадаешь в тот мир, где навеки
Согласился остаться, когда б разрешили, Овидий...
Но едва поднимаешь солёные вспухшие веки, –
Открывается мир – тот, которого сроду б не видел...

2010

Трепетный день на ладонях. С утра
В электропоезде глухо, как в танке.
Мы безутешны, как нежность. Британка
Горьким смешком разбивает экран,

Чтобы прорваться, протиснуться чтобы
В нашу компанию горестных лиц,
Но безуспешно. А мы прилегли
В жажде уснуть на плече, а не то бы

Нечто свершилось. Заманчивый день,
Солнцем сквозь стёкла ласкающий лица,
Шепчет на ушко: «Столица, столица», –
Чтоб пробудить нас неведомо где

Бог весть когда, и пропажа перчаток,
Сумочки, денег, надежды, любви
Нам не кладет на анфас отпечаток
(Ибо нам нечего больше ловить)
Чувства вины и бесчувствия вин.

Зайцы бегут по вагону. Конечно,
С топотом, с гамом летим до конечной.
Хочешь, не хочешь – пора. Выбирай
Стансы на станциях. Прибыли. Рай.

14 февраля 2011

Мы всегда возвращаемся. Радость улыбки слизнув
В поцелуе бестрепетном, в горечи быстротекущей,
Мы всегда возвращаемся – в ад или в райские кущи,
Но всегда так привычно, как будто отходим ко сну.

Мы всегда возвращаемся. Дома приветствуют нас
Зачастую, увы, лишь дома, лишь бесстрастные стены,
Или вовсе пустырь. Измененья во всем, мы не те, но
Так хотелось привычное видеть в проёме окна!

Мы всегда возвращаемся, в поисках счастья и слёз,
Так хотелось – и мы возвращаемся, как бумеранги.
Наша память расставила прошлое строго по рангу,
Превратив наш возврат в безопасный простой перелёт.

Что бы мы ни твердили в попытке избегнуть креста
Нашей собственной памяти, вечного круговорота –
Мы всегда возвращаемся к тем же закрытым воротам,
Мы всегда в непогоду лелеем все тот же сустав.

Никогда не хотелось жить жизнью, простой, как устав,
Но хотелось бы видеть привычное и в перемене,
Ибо мы возвращаемся, с горечью или сомнением,
Но всегда возвращаемся к проклятым нами местам.

15 февраля 2011

Забывая победителей битвы,
Растворяясь, отражаясь и тлея,
Присмотритесь, и, едва накипит, – вы
Пробегите по ненастным аллеям.

Стук трамвая за воротами парка
Одиночество положит в коробку –
Так что можно и для мертвых припарку
Предлагать живым растеряннo-робко.

Так что можно пробегать торопливо
Или медленно, торжественно топать,
Наслаждаясь красотой переливов
Луж бензиновых и дерева (тополь).

Так что можно, ничего не меняя,
Доживать и не выпрашивать премий –
Так, рванувшись к горизонту, сплошная
Перечёркивает прошлое время;

Так расстёгнутый тропический пояс
Поднимает столб космической пыли;
Так гудит разочарованный поезд,
От которого вагон отцепили...

21 марта 2011

Посмотри на домов силуэты
И на луки изогнутых улиц –
Городишко распластанный этот
Разгуделся с утра, точно улей.

Эти улочки криво и косо
Разбежались от верного глаза;
Тупики заплелись, будто косы,
Там, где грязь глубоко непролазна,

Где дома скалят окна в улыбках,
Не изведавших вкус «Фтородента»,
Где на лавочке, старой и хлипкой,
Имена выжигают студенты...

В этом городе небо краснеет,
Если смотришь в него сквозь ресницы, –
Но тебе он не станет роднее
Оттого, что так часто мне снится.

Эти улицы (может, заметишь?)
Так похожи на корки коврижек,
На излучины, крылья, кометы...
Я тебе покажу – посмотри же;

Но красивейшую из излучин
Сберегу для большого пленэра –
И мы станем с тобой неразлучны
Навсегда – как Париж и фанера.

17 апреля 2011

Дни летели, текли, а сегодня вдруг оторопели,
Превратились в один, очень длинный и пасмурный день.
Слишком долго до снега, и дольше – до первой капли,
А на город стеной наступают отряды дождей.

Этой осенью лунные блики лежат на асфальте,
Точно капельки, лужицы пролитого молока,
Как осколки разбитого оземь небесного фарта...
Подбери аргументы и тщательно выбери факты,
Ведь походкой неспешной к тебе подступает тоска.

Это было и прежде: тоска на губах застывала,
С тихой радостью, будто сорвав непростительный банк,
То ли трепетом волн, то ли громом девятого вала,
То ли шелестом ветра она оглушала тебя.

Всё как прежде, лишь дождь ожидает последней отмашки,
Всё как прежде, но что-то окажется вовсе не так,
Когда снайпер, прицелившись в звезды, внезапно промажет,
Когда в луже утонет последний кораблик бумажный
И, как золото, с дрогнувших губ упадет немота.

сентябрь 2011

Этот город закутался в вечер, как в плащ,
В решето продырявленный точками звезд,
Но зато темно-синий; и, точно игла,
Телевышка его протыкает насквозь;

Этот город простужен, он словно охрип,
Зычным криком гоняя стада воронья;
Как солдаты, расколотые фонари
Вдоль темнеющих улиц дозором стоят;

Перебравшие улочки криво бредут
От окраины – к плавным изгибам реки;
И поют: «Ой, мороз, не морозь...» – на ходу,
По домам разбредаясь, ветра-рыбаки;

В запылённых домах, из которых сбежать
Слишком поздно, последние звуки умрут –
И останется только топтаться, дрожа,
На забытых углах, на промозглом ветру;

В этом городе каждую новую ночь
Отличить невозможно от бывшей вчера;
Каждый день в этом городе – точно больной;
Каждый вечер, как только приходит пора,

Тащишь мысли свои, как заморенный мул
Тяжкий груз волочет, по дорожкам меж лип...
Никогда не смогу объяснить, почему
Этот город мне кажется центром земли.

июнь 2011

Зашептались окраины, листья шуршат
И дрожит под ногами проспект.
Что же делать, коль хочешь, чтоб город дышал,
И смеялся, и плакал, и пел?

Разлетаются улицы и тупики,
А мосты, точно птицы, парят,
И высотки, насуплено, точно клыки,
Дружно строятся в ровненький ряд.

И когда перекрёстки вздыхают листвою,
И когда не горят фонари,
Тебе кажется: улицы ждали того,
Кто бы их научил говорить.

Почему же никто не ответил тебе
Ни на зов, ни на вызов, ни на
Вдох и выдох, ни на безысходный забег
Через улицы, сквозь времена?

Но замри – и услышишь, как город несёт
Свою песню по всем этажам,
Как деревья рассказывают обо всём
Нарисованным на гаражах.

Присмотрись – и увидишь: ветра теребят,
Точно юбки, соседский балкон.
Что поделать, коль город живет без тебя,
Объясняясь своим языком?

февраль 2012

Не было снега – и вот вам
Время больших перемен:
Выдана новая квота
В центнерах на километр.

С неба доносится ругань.
Слышится, словно в бреду:
Ангелы в небе друг с другом
Странные пренья ведут:

- Чай, для себя, не для хана,
Это ж не труд – лепота...
- Граждане, кто здесь Стаханов,
Ложку б ему мимо рта?..

Кто бы и где бы там не был,
Все от работы юлят.
Мы заразились у неба
Ленью и жаждой халяв:

Раз в переулках всё так же
Ветер играет листвою,
Значит, похвалят отставших
Первенцев передовой.

февраль 2012

Тихий город окутан седой пеленой,
В его окнах – всё те же огни,
И всё так же внезапно свергается ночь
Цвета густо лиловых чернил,

Но, оттаивая, потеплела кора,
И дыханье трепещет, как пульс.
Не пора ли и нам отправляться с утра
В свой привычный, но слякотный путь

От зимы до весны, не наставшей ещё,
Но уже обнаружившей пост, –
И сиреневый сумрак касается щёк,
Их вылизывая, точно пёс.

Потухают по очереди фонари,
Тихо кружатся тени планет.
Лишь фонит, как в наушниках, где-то внутри,
Где-то слева... и падает снег,

На ладони ложится последним ледком,
Тихо тает, прозрачно звеня,
Точно небо зовёт – высоко, далеко...
Но кого? Может статься, меня?

6.03.2012

Разрезать эту ночь, как арбуз,
Проходя вдоль извилистых улиц,
На которых ветра караулят
То ль прохожих, а то ли судьбу;

На которых созвездие Псов
Стережёт одинокие крыши
И фонарь ослепительно рыжий;
На которых, крутясь колесом,

В лунном свете дорожная пыль
Серебрится, как мелкие звезды,
Точно атлас небесный завёрстан
С указанием Пути и тропы;

Здесь, танцуя во мраке ночном,
Сны чужие срываются с веток
И над улицами до рассвета
Пролетают тихонько за мной.

май 2012

Стаккато

Когда, превратясь в золотую иглу,
В работу бросается солнечный луч,
То мир восседает, как будто на троне,
В распластанных кронах;

И город, уставший за пасмурный день,
Готов улыбнуться любой ерунде,
И блики танцуют на лицах прохожих,
На счастье похожи;

И светятся искорки в стёклах слепых,
А в солнечном воздухе кружится пыль,
И рвется взлететь, и трепещет стаккато –
И пахнет закатом.

май 2012

Закат растекается вдоль по земле,
Как корку, ее запекая,
И мир пропадает в безучастной мгле,
И звуки ночные смолкают,

Лишь дождь по холодной земле моросит
И вслух ей читает Превера...
Но сколько же нужно терпенья и сил –
Стучаться в открытые двери;

И сколько же нужно невиданных снов,
Неведомых слов и созвучий –
Взлететь соловьем над Берлинской стеной,
Чтоб сделалось утро певучим;

И сколько же нужно безжалостных дней,
Бессонных ночей на пределе,
Чтоб счастье в сердечную мышцу ко мне,
Как нитку в иголочку, вдели?

май 2012

(Не)написанное (не) в Париже

Каждый город похож на Париж,
Если вдруг отыскалась мансарда,
Где тихонько сидишь и паришь,
Долетая до райского сада.

Каждый город похож на Париж,
Если сыщешь перо и бумагу –
Записать то, о чем говорил
По дороге из универмага.

Каждый город похож на Париж
Каждой каплей гуаши на джинсах,
Разговором до самой зари,
Когда лишь на рассвете ложишься.

Каждый город похож на Париж,
А особенно, если не смотришь,
Как застыло в проёме двери
Одиночества Красное море...

Каждый город похож...

Я шпионю за тобой,
Город.
Здесь слова наперебой –
Горы
Громоздятся, и вокруг
Ветер.
Воздух свеж и поутру
Светел.

На карнизе солнца луч,
Ловок.
Я натягиваю лук
Слова.
Нужно слов наворожить
Искры –
И кораблик побежит
Быстрый,
Чтобы выбросить за борт
Горе...
Я шпионю за тобой,
Город.

А всё-таки бывает, что не греют
Нетленные красоты городов,
Не радуют дворцы и галереи,
А также сад, и выезд, и ландо.

Здесь небо, что ко мне намного ближе
(В нём облака идут, как на блесну);
Здесь солнце, что мои ладони лижет
Лучами – стоит руки протянуть;

Здесь светятся огнями колокольни,
Здесь свежий ветер душу бередит,
Здесь столько узких улочек окольных,
Что жизни не достанет обойти;

Здесь неба синева сбивает с ног и
Ума; вода прозрачна, как хрусталь –
Но все-таки бывает одиноко
В том месте, о котором так мечтал.

Сообщаю последние новости: город
В одиночестве горек,
Несмотря на огни, берега, якоря,
На дворцы несмотря
Несмотря на беспечность извилистых улиц,
Что жужжат, точно улей,
Времена, имена и бочонок вина –
Несмотря, в общем, на.
Словом, только решу, что меня осенило, –
Пересохнут чернила,
И дышать посреди ненаписанных строк
Не получится в срок,
И мое опоздавшее – вдох – донесенье
Уплывает по Сене;
И мое неуспевшее – выдох – письмо
Не доходит само;
И когда-то давно не явившийся поезд
Пропадает в запое;
Ну а я в неимении карандаша
Забываю дышать.

Ну о чем ты опять говоришь?
Пей вино, объявляй перекур.
Каждый город похож на Париж,
Каждый город скрывает тоску...

Каждый город похож...

август 2012

Туман по утрам можно резать ножом,
А к вечеру – город прозрачен,
И кто-то минуты мои бережёт,
А я беззастенчиво трачу

На каждой из улиц, спешащих на юг
По плиткам, пыли и асфальту.
Здесь нервные птицы над нами снуют,
Как будто бы режутся в фанты,

Здесь небо бездонно, и даже луна
В своем полнолунье застыла,
И воздух в крови – точно чаша вина,
И ветер чуть дышит в затылок,

Здесь все фонари – как кошачьи глаза,
А ночь постепенно густеет,
Чтоб утром могли бы туман разрезать
Прохожие собственным телом,

Здесь многое можно забыть, не скорбя,
Но если согласишься, как сокол,
То город становится картой себя,
Слегка лишь поросшей осокой.

Я карту побережнее разверну,
Чтоб город дышал, оживая,
В туманную утреннюю пелену
Чтоб нас вывозила кривая

Вдоль узеньких улиц и длинных мостов
Под гул городских колоколен...
А небо мне ночь засчитает за сто
Счастливых – в своем протоколе.

август 2012

Встречи и перекрёстки

M. Staciewicz

Память хрустнет – и осколки
Разлетятся вихрем лет.
Сколько встреч случайных, сколько
Перекрёстков на земле,

Сколько выцветших полосок –
Матерьяла для письма...
Если этот мир не плосок –
Значит, тесен, значит, мал.

...Размышлений у камина
Никому не рассказать.
Губы яркого кармина
И огонь – в ее глазах,

И вязанье на коленях,
За окном – раскат грозы...
Изменяются правленье,
Время, место и язык.

...Королевская охота.
Рог – и тот трубить устал.
Полыхание восхода
На щеках и на устах.

Сей кармин – всегда нетленен,
А любовь – всегда права,
И не сносят оскорблений
Сердце, дух и голова.

Завтра же Господь примет
Непокорного раба:
Только трепетное имя
Шевелится на губах...

...И последней вдовьей лептой
Предстает передо мной
Платье в пол и шляпка с лентой,
Чёрный веер кружевной,

Тонкий профиль под вуалью,
Незабвенных губ кармин,
И прощанье на вокзале,
И последнее аминь.

июль 2012

Выявлен путь выверенья и перевирания,
Вычислен срок, но итоги не подведены.
Новый период (он, предположительно, ранний)
Новую формулу вытащит из глубины.

Мы рассчитаемся, встанем, согласно таблице,
Прежде – в «Дано», чуть попозже – в колоночку «СИ».
Сила ли тяжести так искорёжила лица,
Тренье ль каченья по внутренностям колесит?

Слышали? Нас записали в последний учебник!-
Видели? Новая формула снова верна!-
Нас подсчитали, вписали, нашли имена,-
Радостно шепчутся, сидя в убогой харчевне,
Но не бывает ни правила без исключений,
Ни вдохновенья без горя, ни бочки без дна.

Глухо сопя от усталости, лезет учёный
Пива испить, предварительно все подсчитав.
Нужно хранить (так он распоряжается чётко)
Всё, что записано мелко на этих листах...
Вмиг не до пива и формул ему (а причём я?):
Мимо идет непросчитанная красота.

2010

Не печалься, ступай себе с Богом.
Будет вам со старухой корыто.
Не грусти, старичина убогий.
Все прекрасно, коль очи закрыты.

Все прекрасно. Когда бы старуха
Открывать глаза не заставляла
С вечной ссылкой на чью-то проруху,
Ты бы спрятал свой нос в одеяло

И дремал себе тихо и сладко,
Зная: все замечательно вышло.
А старухе-то вынь-положь лавку,
Новый стол, пару стульев, дровишки...

У старухи есть крепкая палка,
Но и ты не дурак – на колени...
Не тревожься, старик, засыпай-ка,
Все изменится в отсвете лени.

Ты же сам это знаешь как будто
Своим нравом, отнюдь не беспечным...
Попроси себе снов беспробудных,
Попроси себе новую печку.

сентябрь 2011

А. Фролову

Стоит, к подставке как привязан,
Неповоротлив, как доска,
Покрытый слов нечеткой вязью
Старинный глобус моряка.

Стоит, вздыхает и ветшает
Потертый ветеран труда.
Покрытый пылью старый шарик
На землю списан навсегда.

И ясным днем иль утром ранним
Никто не станет голосить,
Когда вдоль всех меридианов
Рассыплется, как апельсин.

ноябрь 2011

- Дружище Аркадий...
- Послушай, Базаров,
Ты борешься снова неведомо с чем,
А судьбы Иванов, Матвеев, Назаров –
Ничто по сравнению с боа на плече

Красавицы (но не твоей) Одинцовой.
Ну что ты разводишь тут весь этот хай?
Отведал бы лучше настойки перцовой:
Она оказалась, ей-ей, неплоха.

Тут самое время в себе разобраться –
Нет, носится, мечется, словно шаман.
Куда ж ты стремишься? В историю, братец,
Иль хуже того – в современный роман?

А впрочем, в историю – метко и просто,
Добро не под правый читательский суд.
Ну что ты взбесился? Откушал бы ростбиф.
Куда тебя черти несут?

ноябрь 2011

В этой сонной квартире, пропахшей печалью
И сверкающей пылью со старых гардин
И со штор, ты давно не скучаешь ночами.
Ты привык оставаться один.

И, поскольку усталость сильнее, чем старость,
Клонит душу к подушке, а тело – к земле,
Значит, места не будет гитаре и таре,
Значит, минула тысяча лет.

И, поскольку уже ни к чему не причастен,
И бокал не наполнен, и чай не разлит,
Значит, сердце не рвётся на мелкие части,
Голова ни о чем не болит.

И, поскольку в квартире, пустой, как бумажник,
Не приходится ждать ни друзей, ни врагов,
Доживай свою жизнь, дожидаясь отмашки
Или просто соседки, простуженной Машки,
Чтоб сказала, что ты – ого-го.

ноябрь 2011

Речь, произнесенная по случаю выхода из маршрутки
группы лиц по предварительному сговору

Чемоданы стоят наготове
Уже, кажется, с позавчера.
Раз окончено наше застолье
И смеркается – значит, пора.

Кости брошены, карты убиты.
Значит, пройдено. В этой связи
Станут горькими чай и обиды,
А внутри будет ветер сквозить.

Значит, прожито. Время ошибок –
Бремя выводов и кутерьмы,
И оно уезжает с отшиба
Вдоль по двум параллельным прямым,

И колёса шуршат потихоньку,
И стучит озверело мотор,
А водитель цитирует хокку,
Философски предвидя затор...

Леди, выйдите из дилижанса
И позвольте другим повторять
То, что шоу должно продолжаться,
Невзирая да и несмотря.

январь 2012

Святки. Васильева ночь

Что еще нужно покраше вам:
Золота или парчи?
Если не любо – не спрашивай,
Если не хочешь – молчи.

Если не нужно – проваливай.
Где еще сыщешь приют?
...Ветви застывшее варево
Неба помешивают.

Щедрость – поистине Ротшильда! –
Выдоит все облака.
Капельки, искорки – брошены,
Сыплются, как из мешка.

Кружево там или крошево
В воздухе тихом звенит –
Нам бы чего-то хорошего,
Тоненького, словно нить.

Только крупинками сладкими
Завтра хрустит на зубах,
Так что усядьтесь по лавкам – и...
- Очень приятно. Судьба.

март 2012

Лоре Листопад в день ее свадьбы

Мы построили город на тёплом прибрежном песке,
Намостили осколками стёкол цветных мостовые,
И дома из картонных коробок, немного кривые,
Вырастают и тянутся вверх треуголками крыш.

Мы построили город. Закат догорел вдалеке.
Засыпая, чирикнула в ивах последняя птица.
Город тихо растёт, не вздыхает и не суетится,
Он успеет занять побережье до лютой жары.

Мы построили город. Как сеть на раскрытой руке,
Он раскинулся в стороны сотней зелёных проспектов,
И соборов его витражи, пусть пока не воспеты,
Но уже разбросали вдоль улиц цветные шары.

Мы построили город, не виданный прежде никем,
Может статься поэтому он так прекрасен и ценен,
Всем болезням болезнь или, наоборот, панацея –
Странный город, который собой заменяет миры...

12 июня 2012

Пикник после митинга

Говорят: уж дождётся; плоды, мол,
Просвещения на ветках висят.
Только пахнет клубникой и дымом
Этот странный (вишнёвый ли?) сад.

Но, когда зацарапает в горле
И когда потемнеет в глазах,
Ни о счастье, ни даже о горе
Сад не сможет уже рассказать.
Да и стоит ли? Ветер на запад
Улетит, проводами звеня.

Только в лёгких останется запах
Ягод, дыма и этого дня.

июнь 2012. Подмосковье

Ничего не потребно душе, потому что сыта,
Потому что уже не болит и лекарства не ищет,
Потому что не прячет ножа за пустым голенищем,
Потому что (и истина эта чрезмерно проста)

Слишком сложно беречься от шишек на плоскости лба,
Пролетая по улицам в городе неторопливом,
Потому что опять проживаешь, но не у залива,
Потому что (но истина эта не слишком груба)

Чересчур засиделись, и выгнать пора бы взашей
И чужих, и своих собутыльников и корешей,
Но нервишки слабы, чтобы с грохотом стул отодвинуть,

Чтобы встать и, уже не считая ни вина, ни вины –
Вдруг понять, что вокруг никого, кроме стайки мышей...
Вот поэтому-то ничего не потребно душе.

август 2012

Мир тесен – так, как был когда-то Рим,
В который приводили все дороги.
Что ж, коли встретились, давай поговорим,
Или присядем молча на пороге,

Или зайдем, на кухне свет зажжем
И вечер проведем за кружкой чая...
Столешница изрезана ножом –
Так даты встреч когда-то отмечали,

И ластиком ни буквы не сотрёшь,
И краской новой чисел не замажешь.
Проём окна закатом озарён,
И шторка чуть качается плюмажем.

И снова (по привычке) гаснет свет
В твоём, отдельно избранном квартале,
И можно не дослушивать ответ,
И не искать вопрос в немом кристалле,

И можно без зазрения повторить
Десятки слов, не ставшие основой.
Мир тесен, как бывал когда-то Рим.
...А стол ты послезавтра купишь новый.

август 2012

Капитаны

Найдётся ли в целом свете один чужак,
кто сможет сказать, ладонями мир сокруша:
«Живите! – ведь жизнь прекрасна и в миг, когда
вам кажется чудом даже способность дышать».

Найдётся ли в целой жизни короткий миг,
когда мы проглотим гнев и звериное «гаф!», –
сумев обратиться к миру на «мон ами»,
ни мыслями, ни интонацией не солгав?

Найдётся ли среди тысяч хотя б один,
кто сможет сказать, разорвав молчанья картон:
«Нам вовсе не страшно. Веди нас к свету, веди,
и сердце твоё потушить не сможет никто»?

Найдётся ли тот, кто сделает первый шаг
и вылечит боль, от которой – сердце хрустит?
Найдётся ль у Бога одна такая душа?
Найдётся ли тело, что сможет её вместить?

2009

Подготовьте хвалебные речи,
Ибо должен в любой кутерьме
Быть фанфарами звонкими встречен
Всякий, кто приземлится сумел;

Им и почести, им и кортеж – но
Среди астрономических карт
Оживаешь сияньем мятежным
Ты – влюбившийся в Солнце Икар;

Да и толку им в этой повозке,
Если в день, догоревший дотла
Даже каждая капелька воска
С твоего покатила крыла;

Если твёрдое, будто бы камень,
В этот день и во всякий иной
Твоё имя звенит облаками,
Твоё имя поёт тишиной?

23 марта 2011

Штормовое предупреждение

Размалёвано в дрожь, разрисовано в дождь
Это небо – за миг до падения,
И чего-то с опаской и радостью ждёшь:
Штормового ли предупреждения,

Громыханья, сверканья ли, капель в стекло,
Или сна, что не сможет стать вещим,
Или тихого выдоха: «Уф, пронесло...»?
Собираешь тихонечко вещи

И включаешь, чуть раньше, чем сутки назад,
Тусклый свет в своей комнате душной,
А за окнами молния режет глаза
Так надрывно, натужно, недужно...

Эта острая горечь, дрянной листопад –
Все от ветра, что жалобно воет,
Будто не понимает, куда он попал.
Говорили вчера: штормовое...

июль 2012

Ярославу Николаеву

В те часы, когда тяга земная
Отчего-то похожа на шум
И на гвалт, у кого – я не знаю,
Безнадежно и жадно прошу,

Чтоб ни слов и ни жестов картинных,
Чтобы только хоть раз повезло,
Чтобы видеть: твоя бригантина
Разрезает волну под углом,

Чтобы знать, что мне снова не жуток
Ни один разыгравшийся шторм,
Чтоб любой временной промежуток
Был коротким, как выкрик в лото,

Чтобы чувствовать: ветром коварным
Раздувает твои паруса,
Но не думать уже о привале,
Ибо путь твой – навеки ты сам,

Чтобы дунувший прямо в затылок
Ветер душу мою бередил...
Значит, что-то еще не остыло.
Значит, что-то еще впереди.

ноябрь 2011

Первый рейс

Ярославу Николаеву

Пристань лежит под ногами, и небо синеет напротив,
И пароход издает неразборчивый гул.
Кажется мне: все дороги приводят на эти широты,
В город, лежащий на сонном морском берегу.

Впрочем, обманчив сей сон, потому что таится в бойницах
Грозная память бывшего – лихой властелин
Снов на мальчишеских выцветших под ярким солнцем ресницах,
Слов, разлетевшихся выше и дальше земли.

Солью ли воздух пропах, янтарём или порохом старым?
Глубже ли небо, чем моря раскрытая мгла?
Пристань лежит под ногами, и к ней белоснежной отарой
Гулкая очередь из кораблей подошла.

Вот голова тяжелеет от воздуха и децибеллов,
Словно акулам мы выброшены на прокорм,
Ну а за нашими спинами город – он белый-пребелый,
И на волнах рядом с ним растянулся линкор.

июль 2012

Александр Васильевич Колчаку

Пока жизнь не оформят числом, как положено, задним,
Нужно жить, не жалея шинели, сапог, головы...
Чтобы черт побирал раз по сорок и более за день,
Предостаточно было родиться такому, как Вы:

С колким профилем, точно набросок с библейских пророков,
И глазами, в которых, как ночь, отразились века,
С прядью тёмных волос, поседевшей задолго до срока,
С тонкой жилкой, что бьётся, как птица, у края виска,

С Вашей ненавистью и к делам, и к словам безобразным,
С этой болью, что кроется в жестах, в улыбках кривых...
Чтобы мир не катился к чертям, как домой, как на праздник,
Предостаточно было родиться такому, как Вы.

31 марта 2012

Под каблуками надрывно звенела брусчатка,
Питерский дождь размывал небеса по краям.
Тонкие пальчики в белой, до локтя, перчатке
Сжала ладонь... уже, кажется, и не твоя.

Кажется, только сейчас отзвучала пластинка,
Кажется, только сейчас отзвенели в руках
Тонкая талия, платье с парижской картинки,
Летнего неба синей, горячей костерка.

Это на деле – последняя хрупкая радость
В предвосхищении ужаса, бед и невзгод...
Хмурый октябрь посеревших небес Петрограда,
Хмурый октябрь и оглохший семнадцатый год.

Вечный октябрь бесконечным неласковым фоном,
Сколько бы лет ни размякло в монгольской тиши.
Старый поручик, не выключивший граммофона,
Молча стреляет в висок из нагана души.

июль 2012

Памяти Иосифа Штерна

Не трудно дышать по-иному, и вовсе не горько
Завязывать душу мятежную крепким узлом,
Коль, стоя в последнем дозоре на мшистом пригорке,
Ты видишь врага и не в силах исчислить число.

Не больно вдыхать окровавленный воздух и губы
Закусывать, чувствуя привкус беды и золы,
Коль вечность становится днём, что бесстрастно погублен,
Коль руки убитых друзей по сю пору теплы.

Ведь ты не посмотришь назад, и не нужно, не стоит
Ни мига из жарких последних мгновений терять.
Кто умер достойно – лишь тот этой жизни достоин,
А горькие думы и слезы оставь матерям.

Однажды погладят младенца по кудрям пшеничным
И, слёзы смахнув, нарекут. Имя будет твоим...
Ты – стражник земли, твоё тело – как столб пограничный,
И пусть ты последний – покуда ты жив, ты стоишь.

Как целое небо охватит свечение кометы,
Так душу твою переполнит последний азарт...
И, прежде чем веки падут на зрачки, как монеты,
Линялое небо, вздыхая, посмотрит в глаза.

17 февраля 2011

Размышления в пути

Мир будет безликим. Таким мы его разлюбили,
как только решили, что нужно вскочить в стремяна
и мчаться вперёд на беспечной зелёной кобыле
к печальному небу, испытому Богом до дна.

Но вдруг – остановка. Какой-то нелепейший случай:
кобыла устала, и лучше поводьев не рви,
и мы понимаем, блуждая вдоль горных излучин,
что мир неизменен и жаждет лишь нашей любви.

2009

Весенний диптих

1

Зарекаясь от сумы и тюрьмы,
Бог выходит покурить на балкон.
Только кто такие, в сущности, мы?
Только что такое, в сущности, он?

Не ответит он – проси – не проси, –
Отчего и для чего здесь мы все.
Он докурит и уйдёт в небосинь,
Ну а ты беги за ним по росе.

Настоявшись по колено в траве,
Аспирину пару пачек прими.
Прогневил же ты творца, человек,
Если он тебя послал в этот мир,

Если он тебе послал семь дорог,
Да на каждой – по сто тысяч чертей;
Дал глаза – да только есть ли в них прок,
Если путь твой проложил в темноте?

Что ж, молитву (я боюсь – ergo sum)
Вознеси из темноты к небесам,
Ведь негоже заблуждаться в лесу,
Коль творец его высаживал сам, –

И взовьётся вихрем яростный век,
Как в болото, он погрузится в миф...
Надоел же ты творцу, человек,
Если он тебя послал в этот мир.

2

Пламя сердца – несгорающий куст,
В нём трепещет неувядающая ветвь...
Так попробуй мои губы на вкус,
А глаза – на выражение и цвет.

Да, попробуй, а потом подсчитай,
Сколько вёрст рука в руке нам пройти,
Пока сердце жжёт твоя красота,
Пока горло рвёт беспечный мотив.

Но случается иная корысть
Всё на свете получившего в дар:
Эти нервы испытай на разрыв,
Это сердце – на прострел и удар,

Это тело – на вместимость греха,
Эту душу – на полёт и мотив,
Эти пальцы – да на верность стихам,
Эти ноги – да на дальность пути.

Пусть черты твои вычерчивал чёрт,
Узкий профиль твой вылепливал бес, –
Испытай и не жалея ни о чём
Из того, что не найду я в тебе.

2010

Зевс

Испортились люди, и боги за ними – туда же.
Глаза б не глядели на этакую молодёжь:
Планируют бунт, матерей не стесняются даже,
И хуже того: всякий раз, когда к ним ни войдёшь,

При виде меня лишь слегка приглушают свой ропот,
Сидят, имена переводят на англиш и дойч.
Ещё я недавно слышал, что похитить Европу
Намного трудней, чем покрыть Атлантиду водой.

Ведь я же похитил! Но им нипочём не докажешь:
Не ставят во грош и прорвутся вот-вот на Олимп.
Повсюду меня настигает насмешливый кашель,
Нигде не встречает почтенья божественный лик.

Но я их жалею: им не догадаться, убогим,
Что скоро закатится их благодатнейший день,
Ведь если сегодня в чести лишь одни полубоги,
То завтра заменят их полчища полулюдей.

2009

Человек вспоминает, допрежь чем отплыть на погост,
Что отрёкся он ото всего, что возможно постичь:
От наук, от привычек и клятв, от себя и богов,
Что забыл все слова, кроме «больно» и кроме «прости».

Ведь когда-то почудилось: в этом – весь поиск, вся суть –
В измененье, в горенье и в трепете лопнувших жил...
А теперь (как букварь – заплутавшему в тёмном лесу)
Показался бессмысленным поиск, что длился всю жизнь.

Человек вспоминал свои дни, и вертел, и крутил –
Против стрелки, по стрелке, как круглый бочонок лото:
Он искал, он горел – незаметно среди прочих светил,
А осталось-то что? – он спросил. А осталось-то что?

Что же нам остается, когда отречёмся от вер,
Конституций, законов, молитв, суеверий, клише?
Детский мягонький локон, запрятанный в старый конверт
Да десятки колец годовых на усталой душе.

16 апреля 2011

Вечно крутится крошечный шарик
(Он не передохнул, не присел) –
Всё тускнеет, линяет, ветшает,
Только боль – только боль – насовсем;

Ни рентген, ни УЗИ, ни анамнез
Не укажут, скрывается где
Эта боль, что в наследство дана мне
Вместе со сквозняком площадей –

Площадей, где уже не услышать
Дорогих голосов – никогда;
Только ветер устало колышет
Разыгравшиеся провода...

12 февраля 2011

Перелистывать встречи, обдумывать каждое слово,
Пересчитывать даты от нечего делать со стиля на стиль
И силки расставлять, ощущая себя птицеловом,
Зажимая до дрожи последнее просо в горсти,

Убегать не спеша, возвращаться с поспешностью зверя,
Исправлять оговорки, ошибки, стирать отпечатки,
Убеждая себя в невозможности думать и верить,
Каблуками привычно отстукивать марш по брусчатке.

И неведомо, можно ли заново, можно ли впредь
Научиться дышать, не оглядываясь на прохожих
И не прятать себя за ресницами, словно в норе,
От того, что напрасно покажется мне непохожим

На повторный бросок в невозможную пропасть волны,
На последний ответ (хоть вопрос остаётся за кадром),
На безлунную ночь, где безжалостно плачут цикады
По реке, на которой мосты навсегда сожжены.

И, конечно, надеяться поздно (и зря) на авось
И на Бога с чертями, и что-то доказывать им,
Ведь столбняк вызывает не только заржавленный гвоздь,
Но и встречные лица, что сходны чертами с твоим.

июнь 2011

Складывать жизнь по кусочку и по черепку,
Склеивать из манований, мгновений и встреч,
Сборной солянки, которой не стоит беречь,
Ибо ни в сердце её не вместить, ни в строку;

Складывать жизнь, собирая себя по клочкам,
По пролетевшим секундам (как выстрелы в лоб),
По застарелым диагнозам (А – перелом,
Б – аллергия, а В... в общем, просто тоска).

Можно ли что-то слепить, если материал –
Вовсе не глина, а только лишь пепел в руке,
Скульптор ослеп, ковыляя домой налегке,
А место действия значится как ареал?

Горсточки пепла с замёрзших ладоней сдвигать
(А говорили, что феникса гладить нельзя).
Мелкие капли дождя незаметно скользят
Вдоль по стеклу. Только даже и не угова...

Складывай жизнь, собирай, вылепляй, вылупляй,
Точно творенье иль птенчика из скорлупы;
Всё, что осталось нам – только лишь пепел и пыль,
Только зола...

сентябрь 2011

Всё, что было уже, повторится опять, и не раз, но,
Может быть, в иных точках, на пересечении линий.
Нынче осень больна одиночеством. Это заразно.
Это вирус, который не лечится пенициллином.

Постоянство возврата к началу – почти по Евклиду,
Только время и место уже не считаешь приметой,
А над миром чернилами бледными небо разлито,
А над миром вращаются звезды, летают кометы.

Этот путь – точно фарс, ибо нет на бесчисленных стыках
Синяков и потёртостей от столкновенья ушедших
И грядущих времен, где движения мира просты, как
Арифметика для пятикурсника. Восемью шесть же –

Сорок восемь. А циркуль упорно рисует окружность,
И по-прежнему жёлтые листья, летящие кучей,
Шелестят; их слова, применяемые лишь наружно,
Закрывают шатром, точно веточки ивы плакучей.

Всё, что было уже, повторится опять, и не надо
Никакого явления ангела Варфоломею.
Только запах дождя в волосах – как следы променада,
Того самого, что завершиться уже не сумеет.

сентябрь 2011

Не доплавав, не дотосковав
По всему, что когда-нибудь было,
По всему, что когда-нибудь ныло,
Как больной крокодиловый зуб,
Мы уйдём за крутой перевал,
Даже если туда нет дороги,
Даже если истоптаны ноги,
А одежда промокла в грозу.

Мы уйдём, не взыскав следов,
В те края, что не знали доныне,
Но они невозможно родными
Показались – во сне ли, в бреду.
Колокольчики тихо – динь-дон,
И уже расцветают долины,
И закат бесконечно малинов
Там, куда я тихонько бреду...

ноябрь 2011

Мы всё ждали: вдруг что-то изменится,
Мы всё жили чужими балладами,
Всё вертелись – как камешки в мельнице
Или ядра в огромном коллайдере.

Мы вычеркивали, мы же правили
Силуэты ладоней предателей...
С той ноги – это с левой ли, с правой ли?
С той стопы – с хореической, с дактильной?

Города уничтожены, выжжены –
И остались за нашими спинами.
И теперь – ничего для Всевышнего,
От которого днесь отступили мы.

январь 2012

Слишком много людей на земле, а где выше – там пусто.
Через хляби небес прорастает морская капуста.
И Господь не спеша нажимает на кнопку пуска –
И рождается день, и скрипит, и вращается мир.

Были вечер и утро, неведомое и слепое.
Облака застывают ледком на непаханом поле,
И вот кто-то из нас возвращается в дом с водопоя,
А другие уходят из прошлого, хлопнув дверьми.

Как же выбрать из сотен плодов и спелее, и слаще?
Всё равно что найти среди сотен путей настоящий.
Мы играем в бирюльки, а это труднее, чем в ящик,
Ибо ящик свободен, бирюльки ж – попробуй возьми.

Но Господь воздает по игрушкам, а не по заслугам,
Так что можешь не плакать, как ива, не выть, как белуга,
А пытаться надежней укрыться от лезвия плуга,
Что шутя рассекает нас вместе с землёю. Аминь.

январь 2012

Солнца луч, и проворен, и ловок,
Прорывается, блещет, звенит –
И рождается первое слово,
И трепещет, как тонкая нить.

Закрывает небесный хранитель
В нужный час, как замки, горизонт,
Только слов драгоценные нити
Собираются в чудный узор.

Разойдутся круги на затоне,
Но останутся вечно сверкать
Сотни ниточек переплетённых,
Без которых ткань жизни – не ткань.

февраль 2012

Объезжая свой мир на кривейшей из коз,
Опускаясь с небес на забытые земли,
Обернёшься вокруг с интересом: а всем ли
Так же хочется тронуть созвездья рукой?

Млечный Путь, по которому, как по мосту,
Ты проходишь в ночи с замираньем в гортани,
Предлагает тебе удивительный танец,
От которого зори багрянцем цветут.

Не забыть, как ладони дрожат в синеве,
Как глаза закрываешь от ветра и пыли...
Лунный диск точно гвоздиком к небу припилен
И качается там за столетием век.

Так, восторженно глядя на лик высоты,
(Пусть ее не постигнуть душой убогой)
Мы живём в планетарии старого Бога,
А над нами, как искры, трепещут мосты.

март 2012

Как будто устало смотря на закат,
Как будто коней распрягая,
Мы спички сжимаем в дрожащих руках
И сваи мостов поджигаем,

И пламя возносится ввысь, до небес,
От дерева пепел оставив,
А мы, чуть шатаясь, плетёмся к себе,
Душой выгорая с мостами.

И так без конца; каждый день, разметав
Себя между адом и раем,
Подходим со спичками к сваям моста...
Но всё же не всё догорает.

Ведь, где бы любой из нас ни был согрет,
В пристанищах или в притонах,
Но эти мосты не умеют гореть –
Мосты из железобетона.

март 2012

Если сегодняшний день надоест
(В соизмерении действий и мест),
Значит, попробуй, хотя и претит,
Жить исключительно всем супротив:

Чтобы, назло и друзьям и врагам,
Нож не вытаскивать из сапога,
Чтобы, назло Соломону и др.,
Не было времени штопанья дыр,

Чтоб по доске не сойти с корабля,
Чтоб не давила на горло петля,
Чтобы последнюю строчку стиха
Не доводить до греха.

май 2012

Остаться здесь, пока не рассвело,
Покуда время печи не растопит
И не сожжёт в каких-то два притопа
Содеянное мной добро и зло;

Остаться здесь, покуда ремесло
Не ведает свистка и протокола
И, без конца наращивая скорость,
Грохочет сердце, хлопает крыло;

Остаться здесь, покуда не прошло
В моей груди настойчивое жжение,
Пока есть место бурям и сраженьям,
А руки в силах удержать весло;

Остаться здесь, поскольку грешен Лот,
Не обернувшийся на зов Содома, –
Чтоб до конца остаться верным дому –
В тот самый час, когда уж рассвело.

май 2012

Где бы что ни случилось, и как бы там ни закрутило,
Что бы там ни осталось на память о прожитых днях,
Но в пруду поселилась навек черепаха Тортилла,
И она мне порой чем-то напоминает меня.

Вроде нет ничего, что бы сходство наметило сразу.
Над намётанным глазом критично поднимется бровь.
Просто ей, как и мне, дела нет до раздолий Шираз,
Лишь бы ряска в болотце родном обновлялась порой,

Лишь бы не до краёв натянулась проклятая тина,
Лишь бы Бог или чёрт хоть порою гостей приносил,
Лишь бы фразу: «Когда-то и я была как Буратино», –
Находилось кому повторить раз в полтысячи зим.

июнь 2012

Сонет

Раскидистых веток размашистый почерк,
Разнузданный ветер вплетается в кроны,
Но листья – лишь память разломленных почек,
А вовсе не шляпа (тем паче – корона).

Простых заключений и ловких наитий,
Увы, не осталось; друг друга нетленней,
Сползаются тени, сплетаются нити,
Срастаются шрамы... вот здесь, на колене;

И вечно живёт в нашей памяти остров,
То место, где каждый – раз в жизни, да не был,
И в свете того (так болезненно остро),

Чтоб выбор не делать из злого и злого,
Я вновь покоряюсь, земле или небу,
И больше ни слова. Ты слышишь? Ни слова.

июнь 2012. Химки

Антисонет

Сходишь с ума от жары вездесущей,
Шепчешь тихонечко: «Как бы ни сглазили», –
Солнечный луч представляется лазерным –

Жгущим лицо, разрубающим сучья –
Время и место, конечно же, сучье
(Чтобы глаза у них всех повылазили).

Время и место, как водится, бесится,
Щёлкает клювом и боекомплектom,
Мечется, бьётся, несёт околесицу –
Словом, безумное выдалось лето,

Словом, деньки, распустившись листочками,
Слишком нежны: ветер дунул – и нет их;
Выживут только (локально и точечно)
В памяти хрупкого антисонета.

июль 2012. Ливны

Размышления о пейзаже

Всегда, везде, куда бы ни кидался,
Вдоль улиц разлинованы хрущобы.
Выходишь из одной, как из чащобы,
И думаешь: «Куда бы мне податься?» –
А некий друг (в одной из ста градаций)
Тебе: «Грустишь?» – и ты ему: «Ещё бы...»

Так место изменяют зарисовки,
Так время, разбиваясь о пространство,
Несёт себя, как будто школьный ранец,
С учебником, тетрадью, литром сока, –
Так вечность отправляется в засолку,
Заколотая вилкой постоянства.

июль 2012

Морская болезнь

– Заворачивай, дружище, правее,
Береги от столкновения борт! –
Так плывёт, как по каналам, – по венам,
Слишком юркая лодчонка – любовь.

Прямо в сердце заплывёт чрез канал сей.
Тонкий клапан – как последний редут...
Так бывает: коли раз обознался,
То на воду принимаешься дуть.

Так бывает, хоть бы раз, хоть бы двадцать,
До тех пор, покуда время течёт,
Забывать негоже, но забываться –
От такого да помилует чёрт!

Но зачем тебе слоняться по свету,
Чутко слушая сердец перестук,
Если лодка слишком юркая эта
По случайности застрянет в порту?

2010

Губы дрожат, роняя в воздух: майн либе,
Подчиняются строю неведомых мне языков.
Шли бы Вы к Богу, шли бы, мой демон, шли бы.
Шли бы Вы к Богу, – то есть туда, где в молоко

Выпалит даже прославленный снайпер, либо
Мимо огромного яблока – полуослепший Телль.
Шли бы Вы к чёрту, шли бы, мой ангел, шли бы:
Похожих на Вас там потребуется артель.

Да, это вслух. Да, я серьёзно, – ибо
Если не ждут – для разлуки не нужен повод иной.
Шли бы Вы дальше, шли бы, май дарлинг, шли бы,
А куда – решайте сами. Мне всё равно.

2009

Если в дом ворвались и пищанье котят,
И гармония летних нот,
Если, будто бы листья, замки шелестят, —
Это я раскрываю окно.

Если я у окна провожу свои дни,
Занавеску рукой теребя,
Если даже котам не достался карниз, —
Это я призываю тебя.

Если солнце мрачней и мрачней день за днём
И дождейки по лужам дробят,
Если звонко бренчат ключи в доме моём, —
Это я запираю тебя.

Если сердце грохочет, — неистовый гром, —
Обалделое от пустоты,
Если колет и ноет под пятым ребром, —
Это рвёшься на волю ты.

2009

О поэзии

Исследую сердце своё с постоянством хирурга
И вновь нахожу искаженье, изъян и пробел:
Наверно, мне очень хотелось бы стать демиургом,
Раз в собственной мысли творенье влюбляюсь в тебе;

Пусть ноздри мои раздуваются, точно в дыму я,
Пусть сердце колотится, вены натужно кричат, –
Мне жаль тебя, милый: едва я тебя зарифмую,
Ты станешь мне менее дорог, чем дорог сейчас.

август 2010

То сердце, что трелило соловьём
И било в груди в там-там,
Сегодня – как выжженное жнивье,
Ведь ты поселился там,

И если прогнать так просто нельзя,
Резекция – все дела.
Вдоль мышцы сердечной ножом скользя,
Я с горечью поняла:

Останется неустраним от дел
Тот скальпель, что грудь рассёк,
Лишь чтобы понять: ты живёшь везде
И коль удалять – то всё.

Но, сколько бы ни было впереди,
Не хватит моих молитв,
Чтоб вырезать скальпелем из груди
То место, что так болит.

От этого бродит по венам жуть,
Трепещет тончайший шов...
В любом из домов, куда я вхожу,
Ты был, но уже ушёл,

И снова – ладонями греть ключи,
Ногами считать мосты...
Всегда, когда мой телефон молчит, –
Я знаю, что это ты.

2010

Был ветрами возлелеян,
Что же в комнатах зачах?
(Ничего нет тяжелее
Горя – горя на плечах)

Эти плечи да ручищи –
Нешто неостанет сил?
Прежде не искал почище
И награды не просил;

Не случилось, чтобы замер
Средь невыполненных дел;
Прежде жаркими глазами
На хозяйку не глядел.

А хозяйка – что девица:
То ли гонит, то ль манит...
Сколь верёвочке ни виться –
Перетрётся, точно нить,

Оборвётся... Ей приснится
Робкий праздничный уют –
Мысли глупой вереницей
К изголовью в строй встают,

Среди них – одна, что шало
Ей шептала всякий день,
Чтоб любила, чтоб дышала, –
Как никто и как нигде;

Мысль нелепая, простая,
Неотвязна, точно гнев,
Расцветает, расцветает,
Как цветы для королев...

(В день, когда цветет лилея –
В распроклятый этот час! –
Ничего нет тяжелее
Счастья – счастья на плечах...)

2011

Расходилось внутри, застучало.
То ли это тревога, а то ли,
Словно лодочка возле причала,
Сердце с привязи рвется – и тонет.

Расходилось внутри, расходилось.
То ли вечер сейчас, то ли ветер,
То ли просто стрекочет будильник:
Мол, бывает же утро на свете.

Мол, бывает же: тихою сапой
Время шло по чуть-чуть, понемногу,
А сегодня... сегодня внезапно
Понеслось – не сломало бы ноги,

И несётся, как поезд вчерашний,
Опоздавший на свой полустанок,
А в груди все стучит... Только страшно,
Как подумаешь, что перестанет.

ноябрь 2011

Звонко из пальцев бессильных
Падают на пол ключи.
Сердце, похоже, взбесилось:
Громче и громче стучит.

Слышно далеким соседям,
Слышно на том берегу,
Как не заглушишь беседой
Непрекращаемый гул.

Стук – словно землетрясенье,
Словно родившийся гром,
Что вместе с ветром весенним
Льётся на сорок сторон...

Но, возвращаясь к началу,
Бледному, словно больной,
Знаешь: не сердце стучало,
А молоток за стеной.

февраль 2012

Когда остаёшься один на один
С рассветом и кружкой остывшего чая
(С которой так много рассветов встречали
Под тоненькой тенью от старых гардин),

Когда потухают вокруг фонари,
Когда невозможно уйти – и тем паче,
Как будто живую, не выбросить пачку,
До фильтра последнюю боль докулив,

Когда только память, что рвётся из рук
Мечтой, журавлём и хрустальным бокалом
Останется прежней, что вечно сверкала
Звездой (исчезая, однако, к утру),

Когда даже тени лишаются форм,
Когда даже лампочка перегорает,
Когда только миг до последнего края –
Тогда остается возможность вторая:
Я тоже не сплю. Набирай телефон.

февраль 2012

Вечер создан, чтоб выйти с порога
И смущеньем туман разрезать.
Забываешь смотреть на дорогу:
Вместо этого смотришь в глаза.

Вечер выдуман для остановок,
Где стоишь, поправляя свой шарф,
И спустя лишь мгновение, снова
Забываешь, как надо дышать.

А ещё вечер создан для неба,
Над которым созвездья сплелись –
И едва лишь подумаешь: «Мне бы...» –
Как звезда достигает земли.

И ещё (словно ставишь на тотал,
Словно просишь себя: «Не проснись!») –
В этот вечер неясное что-то
Солнцем светится между ресниц.

6.03.2012

Вечернее небо, и рост тополей – баскетбольный,
И ветер гудит в проводах, отдаваясь в ушах.
Ладони сожми поплотнее, чтоб яростной болью
В заставших суставах невольно запела душа.

Сожми поплотнее ладони, и веки притисни
Друг к другу – до красных и жёлтых солёных кругов,
До странной, нелепой – какой-то абстрактной картины,
Похожей на выход Атлантики из берегов.

Ладони сожми поплотнее, чтоб не ухватиться
За ветер, что дышит горячкой и пеплом в глаза.
За землю ногами держись, раз не певчая птица,
Раз не в состоянии свой перелёт предсказать.

Жара, и в трамвае сидение жжёт сквозь одежду,
И ветер горячий сквозь окна решает подуть.
Плотнее ладони сожми: остается надежда –
Быть может, на выходе руку тебе подадут.

июнь 2012

Мысль, заворачивай в сторону, как пристяжная;
В воздухе свищут, тебя погоняя, кнуты.
...В оттепели в январе ты меня не узнаешь.
Даже тогда. Только ты.

Но не бывает путей, чтобы были прямее
Мысли; и все перекрестки лежат, как кресты.
...В майском снегу ты меня рассмотреть не сумеешь.
Даже тогда. Только ты.

Мысли взвиваются в небо свеченьем кометы,
Искры хвостом высекающей из темноты.
...В звездах летящих меня не успеешь заметить.
Даже тогда. Только ты.

- +

Даже в тот миг, когда станет совсем не до сна
Миру, когда догорят города и мосты –
Даже тогда ты меня не сумеешь узнать.
Даже тогда. Только ты.

январь 2013

Концерт на палубе

Если осень устанет смотреть на меня, улыбаясь,
А фокстрот нашей юности стихнет и не дозвучит,
Как последняя песня того невозможного бала,
На который собрались все жертвы и все палачи;

Если эта мелодия, птица в беспечном полете,
Оборвется и лопнет (так бьёт вхолостую курок;
Так цезура на равные части гекзаметр колотит;
Так же бьётся хрусталь; так же рвётся обычный шнурок);

Если мне надоест слышать звон недодуманных строчек,
Недоигранных песен и недоразорванных струн –
Так увольте из жизни к собачьим чертям и бессрочно,
Ибо не к чему мёртвым костям гроыхать поутру.

сентябрь 2011

Люди, напрасно вы хмурите лица.
Истину вам я напомнить горю.
В Библии сказано: надо делиться:
Богово – Богу, цареву – царю.

Значит, мы выделим день на неделе
(Назван он днем справедливых раздач),
Только не всякий умело поделит
Все результаты чужого труда.

Что же вы замерли в недоуменье?
Перед законом все скопом равны.
Если ж кому-то досталось помене –
Каждый свои выручает штаны:

Скрылся за мусоркой панк с ирокезом,
Вася со стройки упёр кирпичи –
Богово Богу воздали, а кесарь,
Ясное дело, свое получил.

Мы же поделим назло всем придирам:
Богу – молитвы и возгласы «Ё!»,
Нам же – костры и картошка в мундире.
Каждый всегда получает своё.

июль 2011

От привычного дома и неба,
От борщей, от скрипучих дверей
Убегаю туда, где я не был,
Убегаю разыскивать небыль,
Ибо незачем жить в конуре.

По пути обессилеет ропот,
Полегчает, как груз в рюкзаке.
Истоптав все дороги и тропы,
Накопив проклинаемый опыт,
Я сюда возвращусь налегке.

В этот домик к бревенчатым стенам,
И к углам, и к дверям, и к окну,
В этот домик, где плачут ступени,
Где рождаются милые тени —
Я сюда непременно вернусь.

Я вернусь в этот дом и пространно
Расскажу обо всём, что встречал:
О далеких неведомых странах,
О привычках, обычаях странных
И о людях, чья кровь горяча.

Расскажу о надеждах туманных,
Что, как камни, уходят на дно,
Расскажу о мечтах и обманах,
Что шуршат в опустевшем кармане
И горчить заставляют вино.

Расскажу, что на каждом привале,
Когда хрупка любая броня,
Из чего бы ее ни ковали,
Лишь одна мысль меня согревала –
То, что ты ожидаешь меня.

Только там, где просторы лелеял
Нежный ветер, листая ковыль,
Всё иное: серее и злее,
Даже небо теперь тяжелее,
А друзей не осталось в живых.

И боюсь: в нашем собственном доме,
Где, казалось бы, рад и врагу,
Твои волосы, губы, ладони
Изменились, глаза не бездонны –
И тебя я узнать не смогу.

Серый волк, золотая плотица,
Кобылица, что пьёт из ручья,
Блудный сын, перелётная птица –
Это кто-то другой возвратится,

Это кто-то, но вовсе не я.

октябрь 2011

Когда тебе кажется, можно, как будто играя,
Ладонь протянуть и погладить крутой горизонт,
То капает воск, остывая в воде, собираясь
В бессмысленный лёгкий узор.

Когда, одурев от бессонницы, жажды и лени,
Выходишь на кухню, движенья легки и просты,
И снова в книжонке, живущей свой век на коленях,
Свеча освещает листы.

Когда, расплескавшись по снегу, закат затрепещет,
А тёмная ночь не оставит попутных огней,
Чтоб не заблудился в дороге ни конный, ни пеший,
Свеча остаётся в окне.

Когда же мечта, как дымок папиросный, растает,
Тогда остается последний, особенный шик:
Сжигать телеграммы из прошлого, их не читая,
И пальцами свечи тушить.

ноябрь 2011

Дубинушка

Всё будет представительно и мудро,
Надёжно, как законы силы тока:
Нас встретят звоном радостное утро
И розовая дымка на востоке.

Миры, мечты и золотые горы
Покажутся из бледного тумана.
Не позабыв о двух глотках кагора,
Мы вытащим ладони из карманов.

Надёжней лямку на плечах закрепим,
Потянем вдаль, к невзгодам и тревогам.
Нас рисовал Илья покойный Репин,
Мы бурлаки на матушке на Волге.

Куда бы нас ни вывезла кривая
(Коктейли, рецептура, Ерофеев),
Мы тянем лямку, песни напевая,
Считая поражения и трофеи.

Так с наших грёз (и этого не скроешь),
Как краска, оползает позолота...
Мы бурлаки последнего покроя,
Мы дураки высокого полета.

ноябрь 2011

Скажем без серьезностей и шуток,
Прямо не идя, но не виляя:
Дёрнув за колечко парашюта,
Мы свое паденье замедляем.

И земля становится все ближе,
И на ней, такой неожиданно плоской,
Волны, как собаки – шкуру, лижут
Берегов широкие полосы.

По песку, что остро солью пахнет,
Тень от дерева – секунда – и проляжет,
И огромная морская черепаха
Царственно протопает по пляжу.

Это не паденье – приземленье.
И песок досохнет на ладонях
В мире, где не будет преступлений,
Ненависти, боли и кордонов.

ноябрь 2011

Мне, конечно, никто не поверит:
Для чего, мол, внушаешь нам тут,
Что на свете есть ласковый берег,
Вдоль которого скалы растут.

Так, мол, мелют лишь мельник да мерин,
Не похож ты ни на одного.
Пусть костюмов таких я не мерил,
Но однажды я видел его,

Этот берег, где скалы сверкают,
А песок белоснежен и чист,
За деревьями, землю лаская,
Серебристо лопочут ключи.

Там высокое небо – что купол,
А деревья – что ханский шатёр,
Словно счастье (какого не купишь)
Некто щедрой рукою простёр.

Там безбрежное вечное лето,
Точно счастье, в душе берегут.
...Просто мне не досталось билета,
И я не был на том берегу.

ноябрь 2011

Запойная

- Эй, наливай-ка вина, чтобы чаша полна!
Время не то, чтоб нам мненья навязывал нунций,
Ведь Одиссей – это тот, кто не может вернуться
Ранее, чем просыпаются мать и жена.

Пой, Пенелопа, про старенький ткацкий станок:
Он послужил, удружил и хранится в утиле.
Вновь женихи приходили и оповестили:
След Одиссея давно растворило вино.

Что ж, Телемак, собирайся на розыск отца,
Кудри пригладь и пытайся казаться неглупым.
Если же спросят – глазами невинно полупай:
Я ничего, но страной, мол, востребован царь.

Он возвратится, и сразу же лягут на дно
Беды, обиды, сомненья, и с ними – усталость,
Ну а пока всё покрыто ещёпеленой,
Ну а пока переполнены чаши вином –
Знай, что иного тебе ничего не осталось:
Пой, Пенелопа, про старенький ткацкий станок...

январь 2012

Дорожная молитва

Помолюсь (кому, не знаю,
Да хотя бы звездам тем),
Чтобы оторопь хмельная
Нас не мучила; затем –

Чтоб не спрашивал билета
Ни кондуктор, ни конвой,
Чтобы солнечное лето
Расцвело над головой,

Чтобы ни один попутчик
Не отстал на полпути,
Не пропал в песках зыбучих,
Чтоб внезапно не прийти

К ложу старого Прокруста,
Не меняющего лиц,
Чтоб – до рёберного хруста! –
Жизни в косы заплелись,

Чтобы то, чего нам не дал
Ни Господь, ни черт, ни вор,
Промелькнуло, как комета:
Искра – больше ничего.

февраль 2012

Лирический герой

Бензином лужи расцветают
На неопятных мостовых –
И вновь история простая,
Необратимая, как высь,

Невидимая между прочих,
Огромная, как синий кит,
С угрюмой силищей пророчеств
Колотится в мои виски,

И вновь уйти в себя заставит,
Как будто бы в дверной проём.
Что ей, истории, суставы
Того, кто вынужден ее

Записывать, сводя по крохам
И складывая по слогам?
Она же – мост или пирога,
Что склеивает берега...

В тени притихшего бывшего,
Как ложь, цветёт золотая рожь –
И в редких судорогах слова
Своих костей не соберёшь.

март 2012

Оставляя последнее сёлам, душистым лугам
И несчастным косцам, что присели в тенёчке на отдых,
Мы уходим. За нашими спинами слышится гам,
Ну а мы забираем на память прекрасные оды.

Мы уходим – и мы отступаем в свою немоту,
И уход до краёв иступленьем и горечью залит.
Мы уходим – но что-то останется в благостном «тут»,
Мы уходим, по самое горло в «сейчас» увязая.

А назавтра здесь будет все тот же холодный рассвет,
И белёсым туманом любовь вдоль полей разольётся,
И пройдёт по земле, как по ткани, по лёгкой канве,
Это будет назавтра, но мы... мы уже не вернёмся.

Что же нам остаётся? Прогнивший насквозь экипаж,
Да трактиры, дорожная пыль, да извозчичья ругань,
Да десятки находок, да тысячи горьких пропаж,
Да дорога, что пыльным хвостом подметает округу.

март 2012

Спускается вечер, и вновь горизонт беспределен –
Таким он бывает весною и лишь по ночам,
И в эти минуты так хочется что-нибудь сделать,
Конечно же, глупое; ясно, что прямо сейчас:

Отправить письмо, или взять телеграф или Зимний,
Послать всех к чертям или сбегать самой за вином;
А улицы ладаном пахнут и пахнут бензином,
Как раньше, звучат, и, как будто бы в старом кино,

Горят фонарями, похожими на звездочётов,
Что смотрят на звезды сквозь старенький свой телескоп,
И первые птицы устало щебечут о чем-то,
Что будто бы было, но нет, не ушло далеко –

Что будто бы плакало, пело и билось в гортани,
Что длилось, возможно, столетье, а может быть, миг,
Что было, и будет, и быть оно не перестанет,
Пока зажигаются звёзды и крутится мир.

март 2012

Разгулялось, разгуделось
Сердце, точно бы штурвал.
Сан-Франциско или Дели?
Штиль или девятый вал?

Но, покуда воздух светел
И корабль не сел на мель,
Не греши на вольный ветер
И нелепость перемен.

Пусть не нынче же настанет
Вечер непролитых гроз,
Когда рвётся из гортани
Вдруг родившийся вопрос:

После тысячи прогулок
И возвратов поутру
Что останется от гула,
Разрывающего грудь

И от легкого скольженья
На раздутых парусах?
Назывные предложенья.
Белый пепел в волосах.

май 2012

Как от топота звонких копыт
Разлетается пыль по полям —
Так же легкая звёздная пыль
Осыпается на журавля,

Рассекающего небеса,
Разрезающего тишину,
Будто Бог вознамерился сам
С высоты на планету взглянуть

Через линию тонкого шва,
Остающегося за крылом...
Невесомую, точно слова,
Закрутило пыль и понесло

Над горами, вдоль рек и морей,
И пустынь, догоревших дотла —
Все размашистее, все быстрее
Два осыпанных пылью крыла.

май 2012

Песенка

Нет причины разводить суету.
Отключите звуки мира, как фен.
Я слова перебираю во рту,
Словно камешки свои Демосфен.

Я слова произношу по слогам
И слогами обжигаю язык.
У кого бы одолжить берега
Малахитов, янтарей, бирюзы?

Чтоб светилась разноцветным панно
И ветрами обжигала строка,
Чтоб укладывались строки в одно,
Точно пули, просвистев у виска,

Чтоб они перетекали, как ртуть,
И звенели, словно крылышки фей...
Я слова перебираю во рту,
Точно камешки свои Демосфен.

июль 2012

Остановимся, может случиться, всего лишь на миг
На разбитых ступенях, ведущих незнамо куда,
Остановимся лишь на мгновение – и ласковый мир
Задрожит на ресницах, как рыбки дрожат в неводах.

Среди сотен земных или астрономических карт
Нет дороги такой, что бы мы не сумели пройти,
Но, когда замирает в ладонях и дышит закат,
То к чему выяснять, далеко ли уведат пути?

Но, когда на разбитых ступенях качается луч
И крадётся к ступне, словно взбалмошный кот за клубком,
Для чего истирать то ли посох, а то ли каблук,
Если радость – на этих ступенях, а не далеко?

Остановимся хоть на мгновение у края миров
На истёртых ступенях, ведущих незнамо куда,
Чтоб в ладони легла, невесомая, точно перо,
Необученная угасанью малышка-звезда.

июль 2012

Под солнечной бритвой земля, точно скатерть,
Растрескалась вдоль,
А тучи на западе да на закате
Грозили бедой,

И виделось с каждой минутой острее,
Как будто закат
Впускает в божественную галерею,
Где красок река

Звенит, и зовёт, и прозрачно сверкает
На том берегу;
Я свет этот, яркий до белых окалин,
В зрачках берегу;

И кажется, веки впервые открылись
За множество лет;
Но груз за спиной тяжелее, чем крылья –
Он тянет к земле.

июль 2012

The Theatre of Comedy

Вступление

Всё то, что бывало вчера и что не пребудет ныне,
Всё то, что сгребают метлой, как сор, на помойку несут,
Всё то, что сокрыто навек за ставнями, за дверными
Замками, глазками, щеколдой — мы вам несём на суд.

1

Не грусти, заметив дыры на носках,
Не грусти, почуяв трещину в ребре:
Слишком жизнь легка и коротка,
И по каждой не наплачешься дыре.

Не грусти, присев с утра на ржавый гвоздь
Или брови о конфорку опалив:
Неприятности (тележку или воз)
Не таскают за собою короли.

Даже если ноги не идут,
Даже если грош тебе цена –
Бормочи любую ерунду –
Да погромче! – прямо из окна.

Ну а если некий костолом
(Всякое случается, увы)
Камнем расшибёт твоё стекло,
Добираясь и до буйной головы...

(В этом поединке душ и тел
Не обходится без праздных неумех)
Чудо стоит нескольких костей,
Если чудом называют смех.

2

Семь веснушек, красный нос,
Полкило белил.
Не удался выходной:
Клоун на мели.

Есть кабак и есть ларёк –
Пристань холостых,
Да не помогает трёп
Выклянчить бутылъ.

Деньги валятся горой,
Мелочью звеня.
Продавщица хмурит бровь,
Глядя на меня:

Мол, куда ты, красный нос,
Прёшь, не заплатив?
Что ж мне делать, коль весной
Я шатаюсь, как хмельной
И бубню под нос дурной
Свой речитатив:

Не страшны мне мрак и ночь,
Лишь бы кто налил...
Семь веснушек, красный нос,
Полкило белил.

3

Сели батарейки и костюм,
Вышел с оборудованием сбой...
Я же, тем не менее, расту –
Каждодневно, непрерывно – над собой.

Зал, что погрузился в темноту,
Явно счёл, что это перебор...
Я же, тем не менее, расту,
Постепенно подрастаю над собой.

Спрятан в рукаве последний туз,
Страх в комок свернулся, точно боль...
Я же, тем не менее, расту,
Все силёнки собирая, над собой.

Вот в ушах сильнее сердца стук
И суфлер считает до пяти...
Я же, тем не менее, расту,
Но боюсь, что не успею дорасти.

4

Нынешний вечер цветет молочаем,
Руки впирая в бока буквой «ферт»;
Ждём представленья, сидим и скучаем,
Словно посуда в закрытом кафе.

Сшиты костюмы, да зрителей мало.
Ждет в гримуборной отложенный чек.
Зеркальцем зайчика прима поймала –
Тут же хохочет неясно над чем.

Чтоб заплутать – нам хватает трёх сосен,
В них мы аукаем наших ребят.
Если бы не было зрителей вовсе,
Мы рассмешили бы сами себя.

Новый костюмчик заранее заплатан
И подготовлен к ведению дел.
Счёт на отложенную неоплату
Пишется вилами – да по воде.

5

На город безмолвно спускается вечер:
Стирается день, затмевается лик
Соседа – и тут-то, безвозрастно вечен,
Театр открывается, чтоб мы могли

Сидеть в откидном нумерованном кресле,
Внимательно глядя: что деется там?
Но если не хватит билетов? Но если
Вселенная рухнет на спины китам?

Но если... Но если... Но только бы... Хватит!
К собачьим чертям нам сия маета!
Есть красная шуба и шапка на вате,
И где-то лежал колокольчик шута.

Звени же им, шут, даже если смеяться –
Себе же могилу безжалостно рыть:
Ведь только паяцам, безликим паяцам
Даётся уменье беспечной игры...

6

Если, кроме кавычек,
Нету ни черта,
Мир спасают по привычке
Смех и красота.

Если кажется, что маршам
Целый век греметь,
Из углов спасеньем нашим
Выползает смех.

Всё продажным нашим светом
Взвешено на медь –
Неподкупны только ветер,
Солнце, смех и смерть.

май 2011

Из прошлых странствий

Если, как будто Кощею,
Нечем свой разум занять,
Точно сквозняк через щели,
Память вползает в меня,

И – началось, завертелось:
Крутится сотнями змей
Памяти гибкое тело,
Будто она бы хотела
Гнёздышко свить в кутерьме

Мыслей, головокружений,
Средь новостей и цитат;
Память моя, неужели,
Точно итоги сраженья,
Ты зачитаешь с листа

Всё, что когда-то и где-то
Было содеяно мной,
Было рассказано мной,
Было помыслено мной?..
Память, как нитка, продета
Вслед за иглой в полотно.

Даже не так (точно камень,
Слово в кармане лежит):
Память – как кромка для ткани,
Что прозывается – жизнь.

22 марта 2011

Встреча

Вы – словно гость из тьмы былых наречий,
А мне – хоть жмурь неверные глаза!
Мы с Вами, может быть, по Междуречью
Бродили много сотен лет назад...

Мы с Вами, может быть, коней пришпорив,
Бросались в бой вослед за Жанной д'Арк...
И я не в силах говорить и спорить,
Когда непредсказуемый удар

Наносит память нам, оторопелым
От горькой невозможности узнать...
Мы с Вами над одним котлом корпели,
Когда нуждалась в золоте казна...

Мы были рядом в битве под Полтавой,
Нас в Риме пощадили меч и лев,
И мы сидели с трепетом картавым
У ног прекраснейшей из королев...

А может быть, творили заклинанья?..
Вслед за Жан-Жаком шли назад к корням?..
Ах да, я, кажется, припоминаю:
Лет сто назад ты расстрелял меня...

2009

Волны усталые бьются в корму,
Ветер попутный стих.
Впрочем, сегодня он нам ни к чему:
Переплываем Стикс.

Мы натянули свои паруса,
Старый Харон сердит:
Ведь капитан наш командует сам
Силами всей груди.

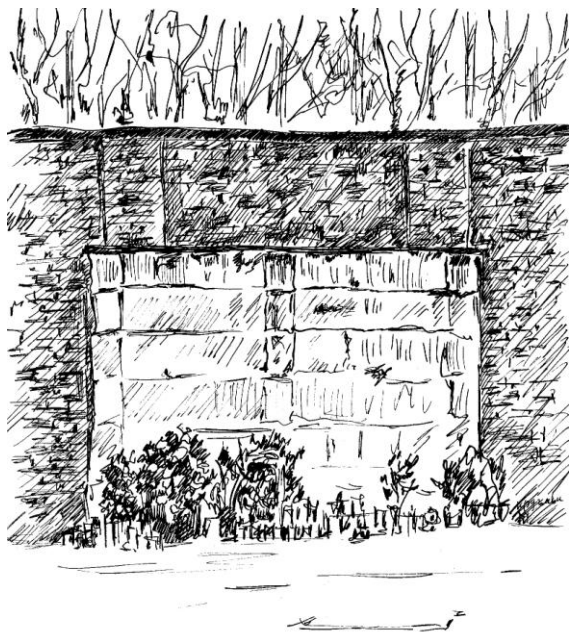
- С песнями, дружно, на весла наляг,
Долю свою прими.
Песни любого, мой друг, окрылят
Даже в последний миг.

Хоть мы привыкли бороться с волной,
Ныне не нужен бой.
Так уж со Стиксом заведено:
Переплывет любой.

Сам не захочешь – перевезут,
Снимут монеты с век.
Нужно ль точить на всевышнего зуб,
Маленький человек?

Слушай приказ и не спрашивай зря,
Можно ли нам спастись.
...Брошены в теплый песок якоря,
В спину смеется Стикс...

2011

Память

Памяти Иосифа Штерна

К чему слова и что перо,
Когда на сердце этот камень,
Когда, как каторжник ядро,
Я волочу чужую память?

...

Моё дитя! Мои румяна!
Моя несметная родня!
Я слышу, как из каждой ямы
Вы окликаете меня.

И.Эренбург «Бабий Яр»

1. Агония

Холод царапает стены,
Со дворов рвется в дома.
Сорок градусов – вот зима!
И в моих надорванных венах –

Медленно – красный шарик,
И ещё один, и ещё...
Замерзаю. Под тонким плащом
Безуспешно метелица шарит.

Мне – всего лишь пятнадцать,
Но уже не хочется жить;
Ветер бубнит: «Положи,
Положи свое тело на насыпь

И усни – ты пробудишься где-то.
Там уже не будет невзгод...»

...Уходил сорок первый год,
И зима гуляла по гетто.

декабрь 2008

2. Молитва

Мне казалось, что солнце сегодня больно проказой.
Темнота же – хоть ложкой черпай ее! – так бездонна.
...Фараоновы губы твердили отказ за отказом.
Моисей уходил, простирая пустые ладони

К небесам – и Господь покрывал их Господним гневом.
Небеса и земля задыхались мертвенным чадом,
И рыдали, как древле рыдала над Авелем Ева,
Сотни женщин египетских, вмиг потерявших чадо...

А сегодня – почувствуй, как пеплом пропитаны губы,
А сегодня – взгляни на седых иудейских младенцев,
Объясни, попытайся – за что безвозвратно губишь,
Отчего не позволишь нам досыта наглядеться

На тот мир, что Ты сотворил (сотворил не для нас ли?),
Но Тебе повинуемся: нам никуда не деться,
Хоть младенец, который сопел в Вифлеемских яслях
В ожиданье звезды – не невиннее наших младенцев.

Мы живём на взрывчатке, живём под летящей кометой:
Не сбежать за проволоку, не спрятаться за кордоны.
Я простёр к тебе руки, Господь. Почему Ты медлишь?
Урони же свой гнев на ладони.

июль 2009

3. Без названия

Кто-то сказал с невозбранностью юного пыла:
Всем нам известно, что, мол, невзирая на чин,
Всяк после смерти становится лёгонькой пылью.
Только не всяк – той, что выгребли из печи.

Кто-то вещает, что ход мировых историй
Каждый сумеет сломить – стоит лишь захотеть.
Только не каждый сойдёт живьем в крематорий,
Чтобы душа затерялась в безвестности тел.

Кто-то напомним, что только последний олух
Время не сможет подмять, скрутить, приручить.
Только одним на могилу посадят подсолнух,
Что ж до могилы других... так пепел молчит.

Кто-то добавит, что будущего кумира
Не обряжают в наряд из прогнившей парчи.
Только потомки одних улыбнутся миру,
Что ж до потомков других... так пепел молчит.

август 2009

Канун

Ещё ничего не случилось...

Название одной из экспозиций в музее Освенцима

Нет, ещё ничего не случилось, и только рассвет
Проходил над Берлином, раскрашивал в золото лавки.
Ничего не случилось, лишь улица, та, что правей, –
Не для вас. Но об этом, поверьте, не стоило плакать.

Ничего не случилось, но лучше не мучить кларнет,
Вечеру не беседовать громко о Данте и Росси.
Ничего не случилось, но лучше не ведать корней,
Лучше молча отдать и не ждать, что однажды попросят.

Ничего не случилось. Покуда не жгли синагог
И осколками не перемасивали мостовые.
Это будет потом. Только Рейн из своих берегов
Не выходит от ужаса даже и в сороковые.

Ничего не случилось. Еще не пора уезжать.
Только дети со страхом в глазах собираются в школу,
Только камень в руке у подростка так крепко зажат,
Что им кажется, будто бы мир на кусочки расколот.

Ничего не случилось. Пока лишь трепещет ноябрь,
И рассвет еще розов, и вовсе не холоден ветер.
Ты сидишь у камина, и трубка чуть тлеет твоя.
Отчего же так сердце стучит? Ты не в силах ответить.

...Это будет реальность, а вовсе не горестный миф,
Что бы там по прошествии лет ни назвали причиной.
Только сердце стучало, а трубка дымилась, горчила,
Только солнце чуть хмурилось, горько взирая на мир,
Где ещё ничего, ну почти ничего не случилось...

сентябрь 2011

Львовское гетто

Спи, сестра моя. Камень, подушка ли,
Вязь из толстых дубовых корней...
Радость – ковшиком, горечь – кадушками
Измерять при весенней луне

Научились мы. Спи же, сестра моя,
Сберегай свой полуденный пыл.
Твои губы светились кораллами,
А теперь посерели, как пыль.

Спи, сестра моя. Пеплом покроется
Та земля, что навек нам дана.
В этом пепле бессмертном укрой лицо,
В пепле проклятом, в ночи без сна.

Спи, сестра моя. Здесь погубили нас.
В небесах совершая свой бал,
Звезды падают вниз в изобилии,
Но желаний на мёртвых губах

Не прочесть...

1 августа 2011

Воспоминания о Варшаве

Ночь полыхает жаром.
Ночь полыхает шало.
Веки ты не опустишь –
Нет, ни с каким трудом.
Слишком легко и больно:
Это горит Варшава.
Это горит наш город.
Это горит твой дом.

Этакого не видел
Наш постаревший город.
Всякого насмотрелся,
Но не таких вот труб.
Ночь догорает горько,
Выжжена этим горем.
Ночь догорает тихо.
Ночь догорит к утру.

Мне недосуг припомнить,
Зимний там или летний
Должен настать назавтра
День: он сгорел дотла.
К чёрту твои сомненья,
Будет ли ночь последней.
Всё, что угодно, лишь бы
Ты добежать смогла.

Знаю: настигнет пуля,
Выхватит, и завертит
Перед глазами эту
Слишком простую жизнь.
Только одно мгновенье
Вечности – пусть у смерти
Это одно мгновенье
Некому одолжить.

Только мгновенье, чтобы
Выяснить: получилось.
Только одно мгновенье.
Только бы знать, что ты
Сможешь сбежать и выжить.
Кровью заря сочилась.
Рано зрачки покрылись
Пологом темноты.

июль 2012

Ряд окопов, как будто прожилки.
Всем известно: неблизок покой.
Городок меж полей над рекой
Покидают отряды чужие.

И встречает бездомная осень
Тихих женщин на скорбных полях,
И, пока не промёрзла земля
(Они этого только и просят),

Можно выйти тихонько за город
И, не помня сегодняшних дат,
Хоронить неизвестных солдат,
Пряча в горле нетленное горе.

Хоть последние стоптаны боты,
Ни за что не утихнет запал.
Слишком мало и сил, и лопат,
Слишком много упорной работы.

По земле расстилается иней,
И над каждым из брошенных тел
Точно свечки горят в темноте
На полях, что остались за ними...

ноябрь 2011

M. Staciewicz

Никаких изменений от вечера и до утра,
Только кровь остывает невольно в расширенных венах,
Только небо намного серее, чем было вчера,
Точно знает, чего ожидать от ввалившихся в Вену.

А на улицах дамы по-прежнему в длинных плащах,
И по-прежнему легкие шарфы беспомощно реют,
И на ветках по-прежнему взбалмошно птицы трещат,
И цветы расцветают в разбуженных оранжереях.

В венской опере вечером будет, бесспорно, концерт.
Постоянных поклонников вновь узнаваемы лица.
И, конечно же, будут букеты, но после, в конце
Беспокойных аккордов, готовых с овацией слиться.

И промчится над залом тревожный еврейский мотив,
И ни разу не дрогнут смычки в исхудавших ладонях,
И пришедшим за ними никто не позволит войти
В этот мир, поселившийся на нотном стане продольном.

Они знают, что скрипки назавтра у них отберут
И отправят друг другу вдогонку – к еврейскому раю,
Только это потом, только срок истекает к утру,
А сегодня они ошалело и жадно играют.

Что ж останется им, когда смерть на своем поводке
Поведёт за собой в обреченность, в бессилье, в безверье?
Только собранный за день безумный еврейский оркестр
Да последний концерт, заглушающий топот за дверью.

ноябрь 2011

Если попал между пары огней,
Их не затушишь из кружек.
Тот, что внутри, называется гнев,
И крематорий – снаружи.

Вновь собирают смертельный вагон,
Мысли – и те каменеют.
Просто огонь поглощает огонь.
Тот, что снаружи, – сильнее.

Просто огонь поглощает огонь,
Пепел сливается с пеплом
Там, где давно приготовлен загон,
Там, где затянуты петли,

Туго, но не чересчур, а не то
Быть между планами розни;
Там, где привычно ответишь «Никто»,
Если об имени спросят;

Там, где не будет других берегов:
Выпита с ядом водица...
Просто огонь поглощает огонь,
Прежде чем пепел родится.

август 2012

Это не листья посыпались – это листовки,
Это сигналы к началу холодной войны.
Это не шорох травы – это выстрел винтовки,
Это нашествие осени, горькие сны.

Это последние призраки дней отзвучавших,
Это солдатские марши дождей. На беду,
Толпы зонтов раскрываются. Словно по чаще,
Я между ними лихим партизаном иду.

Капли дождя, не спеша, в волосах оседают,
Завтрашним холодом улица дышит в лицо.
Это не солнечный луч – это память свиданья
Перед войной, на которой держись молодцом.

Это не листья посыпались – это листовки.
Лета последние дни догорают дотла.
Это не звёздное небо, а тонкий-претонкий
Ломтик надежды, а попросту – это зола.

август 2012

Письмо В Бутылке

Я пишу тебе, кажется, с самого края земли.
Островок невелик и не блещет отменной погодой.
Здесь дороги конечны, эпоха... ах да, перехода
Бесконечна, напротив. Тихонечко тянутся годы,
И обходят сей остров, один за одним, корабли.
Календарь здесь не действует, значит, мне не сосчитать
Приснопамятных дней, проведённых бесцельно на рейде,
То есть, здесь, на песке, за который не платят аренду,
Слава Богу, пока. Значит, можно продолжить; с листа
Зачитать друг за другом песчинки, закаты, рассветы...
Сосчитать невозможно, но надобно их пережить:
Каждый день, уносимый дыханием лёгкого ветра,
Каждый вечер, накрывшийся шляпкой небесного фетра,
А ещё... Да, конечно же, этих ночей блиндажи.
Впрочем, я продолжаю о том, что имеется рядом.
Как уже говорилось, песок и морская вода.
Есть ручей, но один; есть скала, но не несколько рядю,
И поэтому здесь налицо дефицит водопадов,
Впрочем, так зачастую бывает везде и всегда.
Говорят, что когда-то водились здесь райские птицы,
Но теперь почему-то лишь голуби да воробьи,
Да ворона с остатками сыра на ветке ютится
(Неустроенно) и то ли вёртится, то ли вертится,
В заработанном кусе проклёвывая полыньи.
Говорят, здесь когда-то водились шальные драконы.
То ли голод прикончил, а то ли со скуки помре,
Ибо здесь не бывало дороги, ведущей к Фанкони,
Но зато тут всегда начеку выживания законы –
Эволюция, словом, во взятой отдельно дыре.
Что ещё? Разумеется, ивы, высокие сосны

На морском берегу, устремившие лоб в небеса,
Ну и небо само, ожерелье из камешков, костный
Гребешок, принесённый прибоем, положенный возле
Того места, с которого лучше видны паруса.
А ещё есть тропинка, лихая, с извилистым краем,
Что ведёт, разумеется, в самую глубь острова.
Но о ней промолчу – словом, вычеркну, перемараю,
Даже если последствием станет и эта строка.
Так, о чём я? Конечно, песок, что уносит отливом.
Говорят, он доходит до самых прекрасных земель.
Волны движутся плавно, торжественно, неторопливо,
Им ладонями машет совсем не плакучая ива –
И уходит вода, обнажая песчаную мель.
А потом, на закате, поспешно несётся обратно,
И барашки на солнце окрашены в розовый цвет.
Волны мчатся, как будто возжаждали подвигов ратных,
Зажигаются звездочки, как на мундире парадном,
И сливается небо с водой – вдалеке, в синеве...

Продолжаю с утра, а точнее, в районе полудня.
Ночь была хоть куда. Жаль, что здесь не бывает ворот:
Ни в какие ворота луна, и в сиянии лунном,
Что бы ни написал – всё как будто бы пишешь прилюдно,
Всё как будто бы по небесам размахался пером.
Картография местности: остров приплюснут и гладок
В очертаньях; сугубо равнинен; единственный мыс
Примечателен тем, что безмерно похож на приладу
Для картографа или шпиона, с которым нет сладу,
Ибо здесь и шпионить-то не за чем, кроме кормы
Парохода, пришедшего древле на крошечный остров.
Впрочем, этот корабль не особенно стоит письма,
Ведь от прошлого нам остается единственно остов,
Как бы ни было остро (тем более, ежели остро),

Как бы ни было больно от прежних крушений. Весьма
Между тем интересно другое: подвалы и склады.
Их вполне достаёт, так что можно поддерживать жизнь.
Пока ветер беспечно поёт и выводит рулады,
Пока море ему громыхает: «Чего ты заладил?» –
Из подвалов на свет выползают мои миражи.
Их немало, поэтому я не боюсь оставаться
Здесь, на острове, здесь, вдалеке от иных берегов.
Если стоит чего-то пугаться, то это – коварство,
Если стоит за что-то бороться, то это привал, и
Если стоит хоть что-то любить, то вот этот загон.
Непонятно, за что? Ни за что – и за многое. В общем:
За песок, за приливы, за ветер, который могуч,
И за мыс, и за острую горечь моих одиночеств,
И за ясные дни, и за самые тёмные ночи,
А еще – за бумагу, чернила и тёплый сургуч.
Безусловно, ещё за бутылку, что в воду бросаю,
Безусловно, за все (что не видят меня) корабли,
Безусловно, за мысли и буквы, что рядом плясали,
И за каждую строчку (вот эта, похоже, косая),
И, конечно, за то, что сегодня сию на мели

И пишу тебя, кажется, с самого края земли.

июль 2012

Мишелю Раевскому

Если путь недалёк, но измерен,
Что ж поделать? Собрав свою рать,
Мы друзей выбирать не умеем –
Мы умеем за них умирать.

Корабли упираются в мели,
Им для этого нужен лишь миг.
Мы путей выбирать не умеем –
Мы умеем идти напрямик.

Только жизнь, как зерно, перемелет,
И кусок не пройдет мимо рта.
Мы времён выбирать не умеем –
Мы умеем платить по счетам.

ноябрь 2011

Памяти Рамиля Махмаева

Минуты, как пчёлы, проносятся мимо,
Но это жужжанье не рвёт тишины.
Мы вновь отнимаем друг друга у мира,
А также у самой холодной войны.

И стрелки часов независимы боле
От счета летящих мгновений и лет:
Мы вновь отнимаем друг друга у боли,
Покуда есть сердце, что может болеть.

Пусть даже надежды рассыплются прахом,
Пусть даже дороги ведут в никуда –
Мы вновь отнимаем друг друга у страха,
И вовсе не страшно, что не навсегда.

Пусть несколько метров – но все же отмерьте
От этих путей, что ведут напрямик:
Мы вновь отнимаем друг друга у смерти,
Хотя бы на самый коротенький миг.

июль 2012

Оглавление

Бодрая матросская песенка	6
ДО ОТПЛЫТИЯ	7
Колыбельная	8
Детство	9
– «Школьный сад, десять яблонь...»	9
– «Нежное детство да сладкая вата...»	10
– «Апрель...»	11
«Во сне, как в листе, ворочаясь...»	12
«За окнами распахнутыми – душно...»	13
«Там, где путь к небесам...»	14
БРОДЯЧИЕ ДУШИ	15
Бродячие души	16
– «Бродим по белу свету...»	16
– «Что поделаешь...»	17
– «Тропою привычной...»	18
– «Сегодня тоскливо, и нечем заняться с утра...»	20
«Самолично себя у себя же отняв...»	21
«Благословение – трепетный дар...»	22
«Когда рассвет уже навис...»	23
«Сегодня, среди громовой тишины...»	24
«Уходи...»	25
«Среди багровеющих линий продольных...»	27
«На Ваш талант не поскупилось небо...»	28
«Нам уже никогда...»	29
«Приключается: планам тесна голова...»	30
«Это горечь и страх...»	31
«Собираешься в путь...»	32
ОСТРОВА И ГАВАНИ	33
«Знаешь город?...»	34
«На всякого город, ночами пустой...»	36
Седьмая заповедь	36
Исповедь	38
«Трепетный день на ладонях...»	39
«Мы всегда возвращаемся...»	40
«Забывая победителей битвы...»	41
«Посмотри на домов силуэты...»	42

«Дни летели...»	43
«Этот город закутался в вечер...»	44
«Зашептались окраины...»	45
«Не было снега – и вот вам...»	46
«Тихий город окутан седой пеленой...»	47
«Разрезать эту ночь, как арбуз...»	48
Стаккато	49
«Закат растекается вдоль по земле...»	50
(Не)написанное (не) в Париже	51
«Туман по утру можно резать ножом...»	54

ВСТРЕЧИ И ПЕРЕКРЕСТКИ

«Память хрустнет...»	55
«Выявлен путь выверенья и перевиранья...»	56
«Не печалься...»	58
«Стоит, к подставке как привязан...»	59
« – Дружище Аркадий...»	60
«В этой сонной квартире...»	61
Речь, произнесенная по случаю выхода из маршрутки группы лиц по предварительному сговору	62
Святки. Васильева ночь	63
Лоре Листопад в день ее свадьбы	64
Пикник после митинга	65
«Ничего не потребно душе...»	66
«Мир тесен...»	67
«Мир тесен...»	68

КАПИТАНЫ

«Найдётся ли в целом свете один чудак...»	69
«Подготовьте хвалебные речи...»	70
Штормовое предупреждение	71
Ярославу Николаеву	72
Первый рейс	73
Александрю Васильевичу Колчаку	74
«Под каблуками надрывно звенела брусчатка...»	75
Памяти Иосифа Штерна	76

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПУТИ

«Мир будет безликим...»	77
Весенний диптих	78
– «Зарекаясь от суммы и тюрьмы...»	79
– «Пламя сердца – несгорающий куст...»	80

Зевс	81
«Человек вспоминает...»	82
«Вечно крутится крошечный шарик...»	83
«Перелистывать встречи...»	84
«Складывать жизнь...»	85
«Все, что было уже, повторится...»	86
«Не доплакав...»	87
«Мы всё ждали...»	88
«Слишком много людей на земле...»	89
«Солнца луч, и проворен, и ловок...»	90
«Объезжая свой мир...»	91
«Как будто устало смотря на закат...»	92
«Если сегодняшний день надоест...»	93
«Остаться здесь...»	94
«Где бы что ни случилось...»	95
Сонет	96
Антисонет	97
Размышления о пейзаже	98

МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ	99
«- Заворачивай, дружище, правее...»	100
«Губы дрожат...»	101
«Если в дом ворвались...»	102
О поэзии	103
«То сердце, что трелило соловьем...»	104
«Был ветрами возлелеян...»	105
«Расходилось внутри, застучало...»	107
«Звонко из пальцев бессильных...»	108
«Когда остаешься один на один...»	109
«Вечер создан, чтоб выйти с порога...»	110
«Вечернее небо...»	111
«Мысль, заворачивай в сторону...»	112

КОНЦЕРТ НА ПАЛУБЕ	113
«Если осень устанет смотреть на меня...»	114
«Люди, напрасно вы хмурите лица...»	115
«От привычного дома и неба...»	116
«Когда тебе кажется...»	118
Дубинушка	119
«Скажем без серьезностей и шуток...»	120
«Мне, конечно, никто не поверит...»	121

Запойная	122
Дорожная молитва	123
Лирический герой	124
«Оставляя последнее селам...»	125
«Спускается вечер...»	126
«Разгулялось...»	127
«Как от топота звонких копыт...»	128
Песенка	129
«Остановимся...»	130
«Под солнечной бритвой...»	131
The Theatre of Comedy	132
– Вступление	132
– «Не грусти...»	133
– «Семь веснушек...»	133
– «Сели батарейки и костюм...»	134
– «Нынешний вечер цветет молочаем...»	135
– «На город безмолвно спускается вечер...»	135
– «Если, кроме кавычек...»	136

ИЗ ПРОШЛЫХ СТРАНСТВИЙ	137
«Если, как будто Кощею...»	138
Встреча	139
«Волны усталые бьются в корму...»	140
Память	141
– Агония	142
– Молитва	142
– Без названия	144
Канун	145
Львовское гетто	146
Воспоминания о Варшаве	147
«Ряд окопов, как будто прожилки...»	149
«Никаких изменений от вечера и до утра...»	150
«Если попал между пары огней...»	151
«Это не листья посыпались...»	152

ПИСЬМО В БУТЫЛКЕ	153
«Если путь недалек...»	156
Памяти Рамиля Шахмаева	157

Зоя Дякина

Концерт на палубе

Редактор: Г.А. Попов

Иллюстрации, обложка, портрет автора: Татьяна Круглова

Подписано в печать XX.XX.14 Формат 60X84 1/16

Печать ризография. Бумага офсетная.

Гарнитура Times

Объем 10,12 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ №299

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.

Отпечатано в ООО ПФ «Картуш»

г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46